

INSPIRIA

МОЛЧАЛИВАЯ СЛУШАТЕЛЬНИЦА

ЛИН ЙОВАРТ

 INSPIRIA

Лин Йоварт
Молчаливая слушательница
Серия «Ток. Upmarket Crime
Fiction. Больше чем триллер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68253188
Молчаливая слушательница: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-174956-9

Аннотация

АВСТРАЛИЙСКАЯ «ТАМ ГДЕ РАКИ ПОЮТ». ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ.

Две сестры. Умирающий отец. И жуткая тайна – одна на троих...

Холодное сырое лето 1960 года. Глубинка австралийского континента. Одиннадцатилетняя Джой Хендерсон живет в постоянном страхе перед отцом. Старается всячески угодить ему, чтобы избежать очередного града истязаний. Но отец всегда непреклонен: его дочь – мерзкая грешница, обреченная на Ад...

Много лет спустя тридцатипятилетняя Джой возвращается в родительский дом, чтобы ухаживать за тяжело больным учителем. И, к собственному удивлению, встречает там свою «идеальную» сестру Рут. Рут нашептывает ей на ухо ядовитые слова, призывая отомстить. А на следующий день Джой

обнаруживает отца мертвым, с затянутым на шее ремнем. Тем самым ремнем, которым тот когда-то порол своих детей...

Этот необычайно мощный и проникновенный роман переносит читателя между 1940-ми, 1960-ми и 1980-ми годами. Незабываемое литературное полотно, изображающее мрачную австралийскую глубинку, ее подчас жестоких обитателей – и тихие омуты человеческого сознания...

«Душераздирающий, страшный и великолепно написанный роман, от которого у меня перехватывало дыхание. Йоварт моментально погрузила меня в жизнь сельской семьи, в которой властвует злой опасный деспот, роман не отпускал – от пугающего начала и до шокирующего конца». – Кирстен Александер

«Напряженный. Запутанный. Не щадящий чувств. Роман – настоящая австралийская готика». – Лиам Пипер

«Гениальная форма повествовательной археологии: вскрываются все новые пласты семейной трагедии, и правда наконец всплывает на свет». – Джок Серонг

«Напряженный, внушающий ужас, опустошительный рассказ о семье Хендерсонов, от которого невозможно оторваться. Он останется с вами надолго». – Books+Publishing

Содержание

Пролог	9
Часть I	22
Глава 1	22
Глава 2	24
Глава 3	40
Глава 4	50
Глава 5	54
Глава 6	60
Глава 7	66
Глава 8	71
Глава 9	78
Глава 10	80
Глава 11	87
Глава 12	94
Глава 13	97
Глава 14	104
Глава 15	108
Глава 16	113
Глава 17	119
Глава 18	121
Глава 19	131
Глава 20	138
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Лин Йоварт Молчаливая слушательница

Lin Yeowart

THE SILENT LISTENER

Copyright © Lyn Yeowart 2021. This edition published by arrangement with Jacinta di Mase Management and Synopsis Literary Agency

© Lyn Yeowart 2021. This edition published by arrangement with Jacinta di Mase Management and Synopsis Literary Agency

© Борисова Т., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2022

* * *

UPMARKET CRIME FICTION

БОЛЬШЕ ЧЕМ ТРИЛЛЕР



МОЛЧАЛИВАЯ СЛУШАТЕЛЬНИЦА

ЛИН ЙОВАРТ



INSPIRIA

Москва
2022



Школа перевода В. Бақанова

*Каждому ребенку, лишенному любви,
безопасности и покоя в родном доме, особенно
Джону и Кену*

Пролог

Джой и Джордж

1983 год

Едва он умирает, комната взрывается жизнью.

Я вскакиваю, открываю ящики, выкидываю оттуда трусы, майки, носки с уродливыми протертостями на пальцах.

Наверное, чересчур спешу, ну и ладно... Плевать.

Почему я не занялась этим раньше, зачем ждала до конца?

Где же?.. Не могу найти.

Вот бы позвонить Марку (хотя, конечно, нельзя) и крикнуть:

– Он умер! Умер! Ты знаешь, где искать?

Марк ответил бы:

– На гвозде.

– На гвозде? – переспросила бы я. – Каком гвозде?

– В шкафу.

Распахиваю единственную дверцу шкафа и смотрю на висющую внутри одежду. Тринадцать комплектов – он развешивал их с маниакальной тщательностью и надевал столько раз, что вещи приобрели очертания фигуры. Тринадцать обликов моего отца.

Достаю их один за другим, швыряю на пол.

Папа – церковный старейшина, дольше всех пробывший

на этом посту.

Папа в огороде.

Папа производит нужное впечатление на банкира.

Папа играет в шары.

Папа рыбачит.

Папа чинит забор.

Папа убивает очередную Рут. Я останавливаюсь. Множество кур за множество лет, каждую звали Рут, каждую он обезглавливал на колоде для рубки дров. Бросаю «папу, убивающего очередную Рут» под ноги и продолжаю.

Папа молится с мистером и миссис Боскомб о пропавшей Венди. Бедная Венди Боскомб. Рут верно говорила, что ни Венди, ни ее куклу так и не найдут.

Папа играет в музыкальной группе.

Папа на заседании общественного комитета.

Папа на уроках Библии.

Папа доит коров.

Папа – судья в матче по австралийскому футболу. Белые брюки, белая рубашка, длинный белый пиджак. Современный ангел. На самой дальней вешалке.

Ныряю рукой в темноту – ладонь натывается на что-то острое. Заглядываю внутрь. Вот он. Одинокий гвоздь, вбитый в деревянную стенку. На гвозде висит ремень.

Один ремень. И десять тысяч багровых криков.

Я вижу, как отец отодвигает свои наряды-личины, достает ремень, не слыша прошлых криков. Позже вешает его на

место – бережно, с маниакальной аккуратностью. Не слыша криков новых.

Снимаю ремень с гвоздя, держу в руке.

Простой фермерский ремень. Минутку – хочу уточнить. Не ремень простого фермера, а простой ремень, который принадлежит фермеру. Поправка: принадлежал. Прошедшее время, восхитительное на вкус.

Ремень изготовлен из гладкой черной кожи, имеет серебристую пряжку с серебристым язычком.

Так его описали бы, скажем, на судебном разбирательстве по уголовному делу. Но это дало бы представление лишь о внешнем виде. Адвокату правильнее было бы сказать, подчеркивая определенные слова, делая красноречивые паузы и жестикулируя:

– Да, господа присяжные, обыкновенный, простой фермерский ремень. Я же, с вашего позволения, поведаю о том, чего вы при взгляде на этот предмет не увидите. Перед вами ремень длиной в тридцать пять лет и шириной в двоих детей. Из каждой его поры сочится кровь. Детская кровь. Проведите по нему пальцами – и ощутите не кожу, а боль. Поднесите к носу – и вдохните запах не кожи, а страха. Сложите пополам – и услышите не скрип кожи, а крики детей.

Люди на галерке ахнули бы, присяжные в ужасе закачали бы головами.

Дойди дело до суда.

Ремень впервые у меня в руках. Я, конечно, видела его

раньше. Слышала сотни раз... когда он рассекал надо мной воздух. Ощущала – ровно столько же раз. Но теперь ремень держу я, а на кровати лежит отец, тихий и испуганный.

Он ведь испуган? Пришел его час.

Подношу ремень к лицу. Адвокат прав. Запах страха жжет ноздри.

Иду к кровати. Лицо у отца желтовато-серое.

Я разглядываю вещи на древней прикроватной тумбочке: пустые пузырьки из-под таблеток; тонкое синее полотенце для лица, испачканное слизью и кровью; детская чашка-непроливайка, которую он под конец не мог даже поднести к губам; бутылочка «Пассионы» с остатками желтой безалкогольной шипучки: отец очень ее просил, потому что она напоминала ему о Рождестве и лете, а еще потому, что во рту у него было противно – сухо и липко.

Я специально поехала за «Пассионой» в город и купила целых восемь бутылок. Вот уж правда – подлая грешница.

В ногах кровати лежит местная газета. Ее тоже купила я. Отец изо дня в день читал одну и ту же страницу и предавался отчаянию, когда сквозь туман деменции узнавал имена умерших на прошедшей неделе людей. Вернее, читала ему я.

– Папа, я принесла газету. Послушаешь некрологи?

Откидываю оранжевые одеяла, смотрю на худое тело, шуплое и сиротливое, но целомудренно прикрытое от стыда синей пижамой. Мне такого счастья никогда не выпадало.

Пришло время мести.

Стиснув заостренный конец ремня в правой ладони, я заносу руку; ремень повисает за спиной, прикосновение пряжки к бедру неприятно. Нет, неудобно. Подтягиваю хвост левой рукой, пока пряжка не поднимается до середины спины. Так лучше. С широко раскрытыми глазами я описываю рукой дугу, опускаю ремень – и считаю, как всегда делал отец.

– *Один... поверь... два... мне... три... сейчас... четыре... больше... пять... чем тебе... шесть.*

Он не кричит: «Не надо, не надо, пожалуйста, не надо!» – потому что разговаривать запрещено.

Досчитываю до пятнадцати, перемежая цифры словами, которые до сих пор помню наизусть. Под конец без сил падаю в кресло у кровати. Кто бы мог подумать, что это настолько утомительно?

Мой взгляд прикован к некрологам, превратившимся в бумажную кашу. Каждая фамилия, каждое имя, все возлюбленные мужа/жены/сыновья/дочери/матери/отцы исхлестаны в клочья, но молчаливое неподвижное тело отца нетронуто. Я была абсолютно уверена в своей способности сотворить с его мертвым телом то, что он вытворял с нашими живыми – а вот поди ж ты... Отец был прав – от меня никакого толку.

Зато в следующем выпуске газеты я вдоволь начитаюсь некрологов. Все будут начинаться с «ХЕНДЕРСОН, Джордж».

Я и сама подам объявления в каждую газету Австралии, чтобы Марк наверняка прочел и приехал на похороны. Чтобы мы воссоединились.

Ремень, оказывается, по-прежнему зажат в моей ладони.

* * *

Ровно в восемь направляюсь из своей спальни в кухню, где обычно ждет Рут. Я сообщу, что он умер, и для нее все закончится. Она уйдет. Я знала, что Рут будет рядом лишь до его смерти.

Однако в кухне никого нет.

Нахмурившись, мысленно рекомендую себе сохранять спокойствие и иду в большую комнату – нужно сделать несколько звонков. Передвигаю закладку-ползунок старого телефонного справочника на букву «Б». В больнице советуют позвонить доктору отца.

Закрываю справочник и перемещаю закладку ниже, на букву «Д». Вот – доктор Купер, Вики. Она обещает выехать немедленно и быть у меня примерно в девять. Я хочу сказать: «Не спешите» – но лишь выдавливаю сквозь горькие слезы: «Спасибо».

Едем вниз, буква «Х», Хендерсон. Вдова папиного брата всхлипывает. «Не плачь, тетя Роза, – вертится у меня на языке. – Это самый счастливый день в моей жизни». Тетя говорит, что приедет завтра.

– Не надо. Не переживай, я обо всем позабочусь и сообщу, когда похороны. Да, обнаружила его утром, когда проснулась, с полчаса назад. Нет, не мучился... он принимал очень хорошие обезболивающие, ты же знаешь. Пока, тетя Роза. Да, обязательно, пока.

Опять вверх, назад на букву «Б», ищем «Блэкхант газетт». Диктую по телефону первый некролог о ХЕНДЕРСОНЕ, Джордже. Дерек на другом конце провода вносит предложение. Я отвечаю:

– Нет, спасибо.

Дерек вносит другое предложение. После недолго молчания я говорю:

– Нет, я знаю, что делаю, ясно?

Он морщится и закатывает глаза. Непременно морщится и закатывает. Перечитывает мне некролог.

– Супер, – говорит (слишком протяжно, на мой вкус; «р» напоминает звон треугольника). – Почти две строки, такса два доллара двадцать один цент за строку или часть таковой, выходит четыре сорок два, оплатить следует в течение двадцати восьми дней. Успеваете в завтрашний выпуск. Благодарю, мисс Хендерсон, и мои искренние соболезнования.

Да уж, супер.

Является Вики, делает скорбное лицо и выражает сочувствие. Она, в отличие от Дерек, мастерски придает голосу нужные интонации. Вскинув брови, перешагивает газетные клочки, щупает холодное запястье отца, после чего объявля-

ет его мертвым.

Для этого нужно учиться в университете?

В кухне мы садимся за старый стол. Вики задает вопросы, записывает мои ответы в верхней части бланка на планшете с зажимом. Затем смотрит мне в глаза.

– Ладненько... – Голос у нее по обыкновению жизнерадостный-как-лимонный-пирог-с-меренгой.

Сейчас наверняка попросит отдать оставшиеся таблетки. Я уже мысленно шепчу Рут: «Что я тебе говорила!» – но вдруг слышу:

– Марк и Рут вам помогут?

От удивления выпаливаю:

– Рут – нет. Она разве здесь? Я ее с самого утра не видела.

Слова срываются с языка, и я понимаю, что произносить их не стоило. Это лишь все осложнит. Тут же начинаю плакать. В конце концов, я – горящая дочь и обеспокоенная, хотя и раздосадованная, сестра.

– Ладненько, – повторяет Вики уже не-столь-жизнерадостным голосом.

Я украдкой бросаю взгляд на то, что она написала, но не могу разобрать ни слова.

– Не знаю, знакомы ли вы с процедурой, но поскольку он умер... скажем так, внезапно... в своем доме и поскольку ваша сестра уехала... внезапно... нужно известить полицию. Я позвоню им, если хотите.

На самом деле Вики подразумевает «хотите вы того или

нет», поэтому я машу в сторону большой комнаты, где стоит телефон. Пока Вики звонит, я сижу в кухне и гадаю, что с Рут. Черт бы ее побрал, угораздило же ее исчезнуть так сразу!

Закончив разговор, Вики плюхается рядом со мной.

– Коп выехал. Славный малый. Алекс Шепард. Живет здесь всю жизнь, по-моему.

Киваю, будто имя ни о чем мне не говорит. Хотя, если честно, я немного растеряна.

– Я еще взяла на себя смелость позвонить Даннам, – сообщает Вики. – Определенно лучшее похоронное бюро в округе. И единственное. – Она ухмыляется собственной шутке.

Я слабо улыбаюсь в ответ. Вики продолжает:

– Пока ждем Шепарда, вы бы позвонили священнику, милочка.

Возвращаясь к телефонному справочнику, передвигаю закладку на «Б», нужного имени не нахожу, зато на «П» обнаруживаю Брейтуэйта Алистера (преподобного). Предлагаю вторник, с последующим чаем и булочками. Возможно, с долькой-другой лимона. В ответ слышу, что вторник – слишком рано, будет очень много людей, и Ассоциации сельских женщин нужно больше времени на подготовку, даже если это просто чай с булочками. И лимонными дольками, напоминаю я.

Собеседник пускается в одностороннюю дискуссию о псалмах и молитвах для службы; я же не могу думать ни

о чем, кроме «будет очень много людей». Мы оба знаем, что придет около двух тысяч, плюс-минус. Да-да, верно, сотни людей заполнят церковь, которая затрещит по всем священным швам, а затем выплеснется в актовый зал, куда мы с Фелисити ходили в воскресную школу.

Словно прочитав мои мысли, Брейтуэйт Алистер (преподобный) говорит, что установит для людей в зале колонки и телеэкран и что женщины из Ассоциации накроют чай с булочками – и дольками лимона – там же, в зале. Я сразу представляю: все эти люди, один за другим, будут хватать меня за руку и рассказывать, как они убиты горем, как сильно сочувствуют моей ужасной-преужасной утрате...

Однако готова поспорить, никто даже не упомянет Марка. Или Рут.

Мы наконец прощаемся. Скоро приедет полиция, нужно взять себя в руки. То есть обуздать воображение. *Обуздать*. Роскошное слово... Думаю о нем, и в голове расцветает образ – мягкая, податливая сфера оранжевого цвета, из которой вырезан треугольный сегмент. На мгновение уступаю блаженству, затем собираюсь с мыслями. В последнее время, о чем я обязательно напомню Рут, мой самоконтроль выше всяких похвал. Ах да, она ведь исчезла...

Пока ждем полицию, я завариваю чай и повторяю себе – скоро все кончится, надо только пережить следующие несколько дней, а дальше... покой. Больше не придется разговаривать с Рут, видеть ее в неизменном кресле. Я заживу

своей жизнью – теперь уже по-настоящему – и никогда не вернусь в этот ветхий склад воспоминаний.

Разливаю чай. Вики щебечет о проблемах какого-то пациента – отвлекает меня от скорби, надо полагать. Через определенные интервалы я хмурюсь и качаю головой, а сама думаю – скоро гробовщик из бюро Даннов в гробовой тишине погребет моего отца в сырой земле. Представляю катафалк (употребляют ли сейчас это слово?), который совершает свой траурный путь по подъездной дорожке, – и делаю выбор в пользу кремации. В качестве подготовки отца к его следующему и последнему пункту назначения.

Вики щебечет, не забывая макать в чай печенье миссис Ларсен и шумно прихлебывать; я же размышляю над разговором, который состоится у меня с мистером Данном через несколько дней.

«Мистер Данн, – мысленно репетирую я. – Мне хотелось бы положить кое-что в гроб вместе с отцом».

Опускаю на стол между нами мешок из грубой ткани. Мистер Данн удивленно его разглядывает.

«Пожалуйста, – прошу голосом дочери, убитой горем. – Отцу это очень дорого».

Тыльной стороной левой ладони смахиваю слезу с левого глаза, затем с правого.

«Однако, – произносит мистер Данн, – уже поздно. Все подготовлено. К тому же это очень... необычно».

Ха! Господин гробовщик считает меня дурой. Малень-

кой, покладистой девочкой-женщиной, которую следует поставить на место. Наверное, он знал отца. Черт, возможно, они вместе играли в шары или молились. Или и то, и другое.

Прежняя Джой пробормотала бы извинения и тихонько ретировалась, забрав мешок с отцовским ремнем. Ведь прежняя Джой позволяла отцу и людям вроде мистера Данна командовать собой, подчинялась им беспрекословно – а у самой в животе извивались противные склизкие угри, которые с каждой секундой жирнели и наливались чернотой.

Однако прежней Джой, молчаливой слушательницы, больше нет, а новая Джой смотрит мистеру Данну в глаза и отвечает:

«Вам нужно только поднять крышку и положить мешок в гроб. Меньше тридцати секунд. Поздно было бы, если бы отца уже кремировали, а так – нет, правда?»

Новая Джой улыбается и придвигает мешок к мистеру Данну. Тот хватает подношение, встряхивает, словно оценивает плату за перевес багажа, которую придется отдать святому Петру. Или Церберу.

«Да. Разумеется. Для вашего любимого отца – все, что пожелаете».

Изо рта мистера Данна сочится сарказм, но мне плевать.

«А теперь... – Гробовщик встает. – Прошу извинить, мисс Хендерсон, меня ждет несколько неотложных дел. – Он держит мешок подальше, в вытянутой руке, будто внутри полно шипящих хорьков. – Это – дело первое». – И направляется

к двери за спиной.

«Минуточку, мистер Данн. Еще одно».

Он медленно поворачивается, на лице высечена улыбка.

«Да?»

«Вот. Туда же». – Я достаю из кармана небольшой предмет, кладу его на обитую кожей книгу для записей.

«Что это?» – спрашивает мистер Данн.

Я притворно удивляюсь его неведению.

«Это? Последний гвоздь в крышку гроба».

Часть I

Глава 1

Джордж и Гвен

Июнь 1942 года

Он устремился напрямик туда, где стояли Гвен с подружками, теребили пояса, перчатки и шляпки.

– Прошу прощения, дамы.

Дамы захихикали и сгрудились плотнее, точно куры: взгляды искоса, в глазах – жгучее любопытство.

Он улыбнулся Гвен, чуть склонил голову.

– Джордж Хендерсон. Разрешите пригласить вас на танец?

– Так ведь... играть еще не начали. – Гвен указала на оркестр, который устраивался на сцене.

– Когда начнут. – Джордж улыбнулся шире, не отводя взгляда от Гвен.

– Ну хорошо. – Она не удержалась от ответной улыбки.

– Благодарю. – Джордж, по-прежнему улыбаясь, сделал шаг назад. – Дамы. – Легонько кивнул им и вернулся к своему стулу неподалеку.

Девушки наблюдали за молодым человеком, хихикали, шептали: «Разрешите пригласить вас на танец?», «Когда нач-

нут».

Гвен на них шикала, тоже со смехом, но ей было приятно, что Джордж выбрал ее.

– Красавчик, – заключила Джин.

Гвен согласилась, отметив про себя и густые черные волосы, зачесанные наверх ото лба стильной волной, и пронизательные глаза, и правильные черты лица. К тому же кавалер был не меньше шести футов росту и довольно прилично одет, несмотря на тотальный дефицит и карточную систему. Интересно, почему он не в армии? Впрочем, тот же вопрос можно было задать каждому мужчине в зале.

Когда оркестр заиграл, молодой человек вернулся, вновь с улыбкой, и за руку повел трепещущую Гвен на танцпол.

С первой же минуты танца стало очевидно: улыбающийся Джордж Хендерсон решил, что они поженятся.

Глава 2

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

Господь украсил грунтовую дорогу между Уишарт-роуд и начальной школой Кингфишера чертополохом, змеями и муравьями-бульдогами¹. Затем Он добавил дождь и грязь, дабы внушить путнику желание поскорее добраться домой.

Джой шла по грунтовке в последний раз. В следующем году, всего через несколько недель, когда наступят и пройдут Рождество и январь, когда длинные жуткие каникулы наконец закончатся, Джой начнет ездить на автобусе вместе с Марком в старшую школу. Каждое утро и каждый вечер одолевать сорок восемь миль², покидать дом гораздо раньше и возвращаться гораздо позже.

Прощание с мистером Пламмером и тринадцатью другими учениками навевало грусть, в особенности потому, что сегодня Джой шагала домой одна. Обычно ей составляла компанию Венди Боскомб. Венди было всего девять, и Джой не считала малышку подругой; тем не менее они ежедневно топали вместе до Уишарт-роуд. Там Венди неизменно встречала мама – широкой улыбкой и объятиями, а иногда и теп-

¹ Муравьи-бульдоги – вид австралийских муравьев.

² 1 миля = 1,6 км.

лым угощением только из духовки: печеньем с джемом или кокосовыми шариками. Дальше Венди с мамой ехали три мили на машине на свою ферму по Уишарт-роуд, а Джой переходила дорогу и брела по тракторной колее до их фермы на Буллок-роуд.

Сегодня же, в последний день семестра, миссис Боскомб ждала Венди у школы, потому что они отпраплялись сначала в город, пить шоколадный молочный коктейль, а затем на курорт Лейкс-Энтранс³. Всю неделю Венди хвасталась будущими морскими каникулами, а Джой слушала и ощущала укусы угрей в животе. Венди села в машину, угри в животе Джой раздулись и расшвирились еще сильнее. Даже когда Венди опустила окно, с улыбкой помахала и крикнула: «До свидания, Джой! Я буду скучать по тебе в следующем году!» – они не затихли.

Бредя в серой мороси по грунтовке, Джой сосредоточилась на чудесном образе бледных голубоватых пузырьков, который рождало в голове слово «ностальгия». До чего изумительное слово! Джой открыла его для себя лишь два вечера назад, в зеленом словарики, подарке тети Розы на прошлое Рождество, и образ нежно-голубых пузырьков уже стал для нее одним из любимых.

Пусть она не пьет с мамой молочный коктейль, пусть впе-

³ Лейк-Энтранс – морской курорт и рыбацкий порт в восточной части штата Виктория, Австралия.

реди ждут долгие семь с половиной недель каникул⁴, Джой не будет унывать. Потому что после каникул все изменится. Она станет ученицей первого класса старшей школы, а Марк – одним из шестнадцати пятиклассников⁵. Всего лишь шестнадцать... Обычно ребята покидали школу, как только им исполнялось пятнадцать лет, но с Марком вышло по-другому: в конце прошлого года родители получили письмо, где ему рекомендовали продолжить учебу в связи с его «выдающейся успеваемостью» и «неоценимым вкладом в спортивные достижения школы». Отец повсюду брал письмо с собой и показывал людям – вот какой у него умный и талантливый сын. В ту зиму он даже позволял Марку играть за местный футбольный клуб и сам судил у ворот на каждом матче. Джой любила субботы, когда отца с Марком не было дома. Мама разрешала Джой закончить домашние дела пораньше и уйти к себе в комнату, где они проводили время с Рут – разговаривали, вместе читали.

По словам Марка, в старшей школе Блэкханта училось больше двухсот ребят, поэтому Джой точно знала, что уж там-то будут ее ровесницы и она заведет Друзей – с большой буквы «Д». Еще она знала, что библиотека в новой школе занимает целую комнату, а не жалкие пять полок одинокого книжного шкафа возле инвентаря для крикета.

Да, следующий год был полон возможностей. Распухал от

⁴ Летне-рождественские каникулы – самые долгие каникулы в Австралии.

⁵ Старшая школа в Австралии начинается с двенадцати лет.

них, как корова перед рождением первенца.

Новенькие учебники Джой лежали на столе в большой комнате. Уже три недели они стоически дожидались, пока снизятся цены на продукты и мама выкроит деньги на покупку обложек. Тогда книги не замараются, и через год их можно будет продать. Джой нравился многообещающий хруст страниц – вот бы они оставались такими девственно-чистыми вечно! Выражение «девственно-чистый» и его образ – рулон серебристого шелка, разматывающегося в бесконечность, – Джой тоже любила.

Увы, цены на продукты росли, как чертополох у пруда – спасибо правительству и нескончаемому серому дождю, – а выручка, которую отец получал за молоко, падала – спасибо правительству и алчному маслозаводу. Джой знала, что учебники, скорее всего, никогда не получат обложки и оттого загрузят, испачкаются, скрутят уголки страниц. Она постарается, очень постарается держать книги в чистоте... радовать их... радовать отца.

Только каждый раз, когда отец скользил взглядом по безобразному лицу Джой – лицу «подлой грешницы», – она понимала, что никаких ее стараний не хватит...

Джой подошла к задней двери и увидела крошечные фигурки родителей на пути к пруду. Присмотрелась: отец катил сорокачетырехгаллонную бочку, в которой хранили зерно для кур. Он обнаружил в бочке небольшую дыру; значит, львиная доля зерна доставалась не курам, а мышам. В основ-

ном семья Джой сжигала мусор в баке на ближнем пастбище, футах в двадцати от дома, но пруд служил последним пристанищем всему, что не умещалось в бак или не горело, – например, ржавым кроличьим капканам или сломанным ножам от плуга, который нашла мама при вскапывании новой клумбы. Отец не собирался тратить горючее ради поездки в другой конец города на свалку – да еще платить там за доставленный мусор.

Крупные предметы вроде старой тракторной шины бросали на берегу – словно у того, кто тащил и толкал ее через целых три пастбища, не оставалось сил довести дело до конца. Спустя несколько дней кто-нибудь шел на пруд собирать кувшинки и тогда уже мог столкнуться – или не столкнуться – тяжелый мусор в воду.

Джой не занималась этим никогда, потому что пруд, по словам отца, имел «фут глубины на первый фут ширины, а дальше пятьдесят футов глубины навечно». Джой умела плавать, но бесконечные глубина и темнота водоема пугали ее. Она была уверена: если однажды соскользнет с узкой однофутовой отмели, то сотни обитающих в пруду угрей обовьются вокруг нее, утащат на дно, и наступит конец...

Джой с трудом различила в маминых руках мотыгу: ее использовали и для защиты от змей, и для срезания кувшинок. Отец не уставал поучать: «Никогда не ходите к пруду без длинной палки, слышите? Змея укусит – умрете. Змеи любят воду». И обязательно добавлял, чтобы уж наверняка

запугать: «И детей».

Родители вернутся минут через двадцать, а то и больше, если займутся сбором кувшинок. Марк приедет на автобусе только через час. Джой решилась: пересекла кухню, миновала свою комнату, будто там и не сидела в кресле Рут... не ждала сестру... как делала это каждый божий день. Едва дыша от черного ребристого страха, который заползал в ноздри и спускался по горлу, Джой прокралась в большую комнату. Детям запрещали входить сюда без родителей, а в родительскую спальню запрещалось входить вообще, но Джой хотела вновь ощутить хрусткие, чистые надежды, даруемые школьными книгами. При одном взгляде на них у нее текли слюнки.

При распаковке учебников три недели назад внимание Джой привлек заголовок третьей сверху книги в стопке Марка. О «гордости» Джой все знала, поскольку гордыня являлась одним из семи смертных грехов, а вот «предубеждение» было словом новым. Позже Джой нашла его в словаре тети Розы. «Алогичная неприязнь к человеку или людям по определенным признакам, таким как раса или цвет кожи. Алогичная вера в то, что человек или люди, обладающие данными признаками, менее ценны или не способны действовать надлежащим образом. Происхождение: старофранцузский, от латинского *praejudicium* (*prae* «заранее» + *judicium* «суждение»))».

Хотя при чтении этого слова в голове у Джой возникал

захватывающий образ {зеленый крылатый дракон с черными когтями}, предубеждение наверняка было грехом, ведь Господь велел нам любить всех Своих детей.

Она убрала лежавшие сверху книги, раскрыла «Гордость и предубеждение» на первой странице и начала читать. «Существует общепризнанная исти...»

Джой испуганно захлопнула том и вернула на место – вдруг родители вернутся слишком быстро и застанут ее тут? Она сделала шаг от стола, но обложка книги не отпускала. Имя автора было выведено буквами-завитушками; при виде них Джой сразу представила буйную лозу на залитой солнцем стене большого сада, под лозой – тайную калитку, а за ней – извилистую тропу к замку с башенками, где живет старуха, у нее длинные спутанные волосы цвета воронова крыла, она носит фиолетовое одеяние из бархата, а в самой верхней комнате самой высокой башни лежат сотни коробок всевозможных форм, цветов и размеров; коробки, усеивающие пол подобно лепесткам камелии, изготовлены из всех известных человеку материалов – мрамора и шелка, фарфора и красного дерева, из сотканых вручную трав и коры с запахом корицы, из чеканной жести и цветного стекла; каждая коробочка родом из своей части света, из своего времени, каждая хранит волшебство, которое старуха заперла внутри много столетий назад, и если вы отважитесь прийти к ней в гости, она покрутит длинным костлявым пальцем над этими сокровищами, затем кивнет, скажет: «Да, вот эта –

твоя» – и вложит в ваши дрожащие руки коробку; вы приоткроете крышку, а там...

Дверь в комнату Джой вдруг хлопнула, послышался мамин голос:

– Джой! Ты где?

Сморщенная старуха вместе с загадочными коробками рассыпалась в прах. Джой резко обернулась.

Прижала ладонь к животу, утихомиривая угрей. Они жили там постоянно. Отец ловил угрей в пруду, а мама резала их на кусочки и готовила жаркое. Угри обеспечивали семью дешевым мясом, и отец говорил: «Будьте благодарны за то, что у вас вообще есть пища, ведь миллионы людей по всему миру голодают, уж они-то были бы благодарны за любое жаркое, хоть с угрями, хоть без». Джой жевала каждый кусок больше положенных шестнадцати раз, старалась быть благодарной, старалась не давиться, но в восьмилетнем возрасте, когда у нее начал жутко болеть живот, а доктор Мерриуэзер не обнаружил никаких недугов, она поняла, что в желудке из всех съеденных ею кусочков каким-то образом выросли новые угри. Сначала они были тощими и беспокоили редко, но постепенно росли, становились жирными, злыми и склизкими. Пять штук, все толстые, как круглые батончики сливочного масла, которые по субботам готовила мама.

Сейчас Джой чувствовала, как угри извиваются и шипят.
– Что ты здесь делаешь?

В дверях большой комнаты стояла мама и смотрела на

Джой с «Гордостью и предубеждением» в руках.

– Твое счастье, что отец не видит. – Она кивнула в сторону кухни. – Иди готовь чай. Мне надо заняться венками. – И ушла в мастерскую, где изготавливала похоронные венки и свадебные букеты.

Плечи Джой расслабленно обмякли, хотя она и отругала себя за несообразительность. Почему не придумала подходящее объяснение? Могла бы сказать: «Я вытирала здесь пыль». Или: «Хотела почитать учебники, чтобы знать материал наперед». Нет, когда Джой нервничала или чувствовала себя виноватой, ее язык прилипал к нёбу, губы сжимались, а в ушах звучали слова отца – и она хранила молчание. «Тихо! Не дерзи. Я разрешал тебе разговаривать?»

Джой очень старалась быть хорошей, чтобы избежать участи Марка. Отцу часто приходилось наказывать Марка за разные ужасные проступки. На каникулах, по выходным дням и после школы брат был обязан помогать отцу загонять коров, забивать в землю столбы для изгороди, чинить на ней колючую проволоку, чистить хлев от навоза, ремонтировать ветряную мельницу, отскребать кормушки, приводить в порядок и затачивать инструменты, мыть трактор и фургон, носить коровам спрессованное в тюки сено, загружать тележку бидонами с молоком и толкать ее до дороги, где автоцистерна забирала полные бидоны и возвращала пустые. И это только та работа, о которой Джой знала! Она ежедневно благодарила Господа за то, что ей самой приходится лишь стря-

пать и заниматься уборкой под маминым присмотром. И собирать цветы – ни в коем случае не помяв, конечно же.

Еще отцу помогал Колин с соседней фермы. Его любили все, даже отец. Колин был не силен в чтении или письме, зато умел делать любую фермерскую работу. Один раз Джой увидела, как он на глазах у отца нечаянно опрокинул бидон с молоком, и угри у нее в животе встали на дыбы, потому что гнев отца резал не хуже ножей. Его рука взлетела вверх, чтобы ударить, но вместо этого мягко опустилась Колину на плечо, и Джой услышала: «Не беда, Колин. Тащи шланг, сейчас все приберем. Нет смысла рыдать над пролитым молоком, а?» Пока они орудовали шлангом, отец похлопывал Колина по спине, приговаривал: «Отличная работа, Колин, молодец. Не знаю, что бы я без тебя делал». Колин, по своему обыкновению, повторял: «Отличная работа, Колин».

Сестру отец тоже не наказывал, но она, конечно, никогда не совершала ничего плохого. Не совершала и не совершит. Нет-нет, отец никогда не сердился на Рут. Все из-за несчастья. Однажды, в свой десятый день рождения, Джой услышала, как он молится в спальне, просит у Господа особой милости для Рут. Джой ощутила в затылке знакомое покалывание белой зависти... даже в день рождения Джой отец молится не о ней, да?..

Джой затолкала свое красное колючее раздражение на Рут поглубже, к угрям в животе, принялась чистить картофель и задумалась. Как все сложилось бы, не случись то страшное

несчастье?

Бедная Рут, из-за страшного несчастья она заперта в кресле, в миллионный раз твердила себе Джой. Бедная Рут, из-за страшного несчастья она заперта в доме, не может пойти ни в школу, ни на работу, ни даже в Церковь. Когда бы Джой ни переступала порог комнаты, там сидела Рут. Всегда улыбалась, всегда жаждала подробностей о делах сестренки, даже если это был обыкновенный сбор яиц. Всегда высказывала свое мнение. Джой жалела старшую сестру, но мечтала разочек, хотя бы разочек войти к себе и не увидеть улыбающегося лица Рут, не услышать ее вопросов и советов.

Джой залила картофель водой, достала из холодильника мясо и горошек. Хлопнула дверь – вернулся Марк, сменил школьную форму на домашнюю одежду и отправился во двор помогать отцу.

Джой ставила картофель на огонь, разворачивала мясо, шелушила горох, а сама думала о «Гордости и предубеждении» и о старухе в замке с волшебными коробками.

Только успел закипеть картофель, как открылась задняя дверь, и Марк прошел в свою комнату. Угри взвились кобрами, сердито зашипели, толкаясь головами.

Джой смотрела, как лопаются над картофелинами большие пузыри {розовые камелии}. Ждала отцовских шагов. Картофель начал размягчаться. Она услышала, как распахнулась задняя дверь. Отец протопал через кухню, не обращая внимания на Джой, миновал большую комнату, скрыл-

ся в своей спальне. Джой не поднимала головы, не отрывала взгляда от кипящей воды, вела себя тихо. Отец тяжело прошел через кухню в обратном направлении, в комнату Марка.

Крик раздался в ту же минуту. Вода кипела, картофелины становились все мягче и мягче, а Джой, закрыв глаза, видела, как отец рубит Марку руки и ноги, как брызжет кровь, точно в фонтане из книги «Рим: прекраснейший город мира» – любимой географической книги Джой на полке в маленькой начальной школе.

Джой знала, что руки-ноги Марку не рубят, но картинки были столь живыми, что она ощущала густой сильный запах крови.

В кухне возник отец. Джой стояла не шевелясь, спиной к нему, прижимала язык к нёбу, наблюдала за пузырями и чувствовала, как раздуваются угри.

«Господи, прошу, помоги мне быть хорошей. Прошу, не дай провиниться».

Отец протопал через кухню в родительскую спальню.

«Ибо Твое есть царство, и сила, и слава во...»

Он вновь пересек кухню, вышел на улицу. Джой выдохнула и слила с картофеля воду.

«...Веки веков. Аминь».

Позже, когда Джой с мамой накрывали к ужину мясо, горошек и картофельное пюре, прихромал Марк, медленно сев на свое место за столом. Мама подавала тарелки, Джой – соль, перец и кетчуп. Марк смотрел вниз, на скатерть перед

собой. Наверное, возносил Господу слова признательности: голова склонена, руки под столом, тело неподвижно. Марк тихо проговорил «спасибо» маме, поставившей перед ним тарелку. Отец адресовал сыну одно слово: «Благодарственную!» Голос был холоднее льда. Марк прочел благодарственную молитву, и ужин начался. Ели в молчании.

Проглотив пюре, Джой пробежала глазами по трем певучим строкам, грубовато вышитым на темно-синем куске бархата за спиной Марка. Эта вышивка была единственным украшением в доме и висела на стене, сколько Джой себя помнила.

Христос – глава этого дома

Невидимый Гость за столом

Молчаливый Слушатель, внимающий всякой беседе

Раньше Джой думала, что невидимый гость в буквальном смысле слова парит над кухонным столом, оглаживает бороду, придерживает свое одеяние – дабы не обмакнуть его в суп или пюре – и наблюдает: вдруг кто-то из едоков подавится жестким мясом, не скажет «спасибо-пожалуйста-извините» или добавит слишком много кетчупа и соли; станет есть чересчур быстро или чересчур медленно, примется разминать горошек, выпьет много или мало молока, начнет гонять еду по тарелке или коснется стола локтями, со стуком положит нож и вилку, зачавкает или проглотит кусок не жуя или... список был бесконечным. Однажды в субботу, ко-

гда Джой закончила дела по дому, Рут предложила ей записать все правила приема пищи, какие только вспомнит. Джой остановилась после второй исписанной страницы в тетради по математике. Не потому, что правила закончились, – просто, по словам Рут, уже и так было достаточно.

Если парящий Христос замечал нарушение какого-нибудь правила, то подплывал к отцу, шептал ему на ухо, и тогда начиналось. Удар кулаком по столу, скрип линолеума под отодвигаемым стулом, крики о вечных адовых муках, красное лицо отца в десяти дюймах от лица грешника.

– Ты – мерзкий, подлый грешник! Кто ты?

– Мерзкий, подлый грешник.

– Лодырь и пропащий грешник! Повтори.

– Лодырь и пропащий грешник.

– Моли о прощении, подлый ты грешник.

– Молю, прости меня, папа.

– С-с-с... От тебя никакого толку.

Пока отец кричал на Марка, Джой сидела ровно и неподвижно, как столб – и как мама, – а угри в животе корчились все сильнее. Когда отец умолкал, чтобы отхлебнуть молока или что-нибудь съесть, Джой тихонько цепляла вилкой кусочек еды, осторожно подносила его к приоткрытому рту, жевала шестнадцать раз и неслышно проглатывала. Отец обязательно начинал кричать вновь. Наконец следовало последнее слово, сопровождаемое ударом кулака по столу, стене или тарелке Марка – смотря что оказывалось ближе:

– В комнату!

Дети сползали со стульев и отправлялись по комнатам; над плечами Марка клубился страх горчичного цвета. Мама шла в мастерскую. Дальше наступало ожидание – мучительное ожидание. Рут и Джой сидели у себя и не представляли, что сейчас делает Марк. Слышали, как отец топает в свою спальню, возвращается, идет к Марку.

Затем раздавались крики...

Лишь пару лет назад Джой поняла, что самого Христа в кухне нет, и перестала мучиться мыслями, есть ли у парящего над столом гостя труссы и не начнет ли капать в тарелку Его кровь из ран от гвоздей.

Хотя в кухне парил только Его дух, ей все равно хотелось, чтобы невидимый гость ушел. Почему бы Христу не следовать за другими грешниками, которые грешат сильнее Джой и Марка? Она торопливо помолилась о прощении за столь ужасные мысли. Отвела взгляд от вышивки, доела. Они с мамой убрали пустые тарелки и принесли консервированные груши с большой порцией сливок – их собирали с молока Мэйси, которое Колин каждое утро приносил из хлева в ведре. Когда отец съедал десерт наполовину, Джой или мама обычно ставили чайник, чтобы вовремя подать чай и печенье с изюмом.

Однако сегодня, прежде чем приступить к чаю, отец вдруг резко отодвинул от стола стул. Тот яростно скрипнул по полу, и все вздрогнули – кто провинился на этот раз? Отец шаг-

нул к кухонному шкафу, извлек оттуда темно-коричневый пузырек и потряс им перед лицом Марка.

– Видишь? Из-за тебя я вынужден принимать вот это!

Достал из холодильника «Пассиону», которую больше никому не разрешалось трогать, закинул в рот две голубые капсулы и запил их желтой шипучей жидкостью прямо из бутылки. Обернулся, и Джой поспешно уставилась в свою миску, не смея пошевелить даже пальцем; ложка застыла в груше. Джой услышала, как отец закрыл холодильник, убрал в шкаф таблетки и вернулся к столу. Взял чашку с чаем. Джой решила, что опасность миновала и можно продолжить ужин. Поднесла ложку к губам, подняла голову – и встретилась с пристальным взглядом отца.

– Не думай, что ты лучше его. Тайком ходишь в большую комнату, как подлая грешница?!

Джой окаменела. Угри задергались.

– Придет и твой час, не сомневайся. Придет твой час.

В этот миг Джой поняла: однажды она сделает нечто столь плохое – столь грешное и ужасное, – что отец крикнет «в комнату» уже не Марку, а Джой. И когда такой день настанет, отец отрубит руки-ноги и ей, и она умрет, вдыхая густой запах собственной крови.

Глава 3

Джой и Джордж

1 февраля 1983 года

– Здравствуйте! Я доктор Купер, – говорит она до ужаса сладким голосом, приглашая в кабинет. – Однако зовите меня Вики, милочка. Вики, с одним «к». – И протягивает потную ладонь.

Ладонь пухлая, горячая, влажная. Гадость.

– Мы общались по телефону на прошлой неделе.

– Да. – Я незаметно вытираю руку о джинсы.

– Какая вы молодец – приехали издалека ухаживать за престарелым отцом... – Вики падает в кресло за столом. – Садитесь, садитесь, – и машет на стулья напротив.

Я послушно сажусь, а она демонстративно смотрит на часы.

– Простите, но времени у меня мало, нужно провести старушку Кларис Джонсон. У нее бородавки на ступне; уже много лет Кларис с ними мучается, бедняжка, а теперь они поползли вверх по ноге...

Понятия не имею, какой реакции от меня ждут.

– Она живет в западной части города, на Джонсон-роуд, названной в честь семьи покойного мужа Кларис. Ни одного соседа на мили вокруг, поэтому я взяла за правило ее навещать.

Какого черта она мне это рассказывает? Но я киваю – надо же что-то делать.

– Впрочем, я предупредила: «Извините, Кларис, я могу завтра опоздать. К Джорджу Хендерсону приезжают *родственники*, и я договорилась встретиться с его дочерью в клинике ровно в полдень». Кларис очень огорчилась, узнав о болезни Джорджа... вашего отца.

Да, конечно, огорчилась.

Вики вздыхает, но тут же приободряется и ведет дальше:

– Ладно, вряд ли вы пришли слушать о бородавках Кларис.

Я улыбаюсь, и Вики с одним «к» понижает голос.

– Итак... ваш батюшка. Он несколько... оторван от реальности. Это все обезболивающие. Плюс медленное угасание. Плюс миорелаксанты с антидепрессантами. Плюс таблетки от гипертонии. И от диареи. И от запоров. Знаете, – голос Вики опять веселеет, – современная медицина просто чудесна. Если б не обезболивающие, Джордж испытывал бы страшные мучения. Я проводывала его утром, а соседи обещали заглянуть часиков в одиннадцать, узнать, как он. Их обрадовала новость о вашем приезде, они теперь смогут переключиться на собственные заботы. Только я вам ничего не говорила, милочка.

Я вскидываю руку и качаю головой, обещаю хранить тайну. Эта женщина когда-нибудь замолкает?

– Какие соседи? – спрашиваю.

– Барбара Ларсен, милочка.

– Серьезно?

С чего вдруг старая перечница взялась за ним присматривать?

– Та еще заноза, правда?.. В общем, я объяснила Кларис – да и Барбаре, между прочим, тоже, – что вашему бедному батюшке самое место в больнице, но вы же знаете, какими бывают люди – в основном, конечно, мужчины, – вот я и объяснила: если за ним будут ухаживать, если приедут *родственники*, тогда, объяснила я, почему бы не позволить ему умереть в собственной постели, в собственном доме? Мы ведь все этого хотим, правда? Потому-то я и сказала вашему батюшке «да» – при условии, что кто-то из *родственников* станет за ним ухаживать. – Вики демонстрирует в улыбке зубы, ослепительно белые, безупречные, вряд ли настоящие. – И... вот она вы. Родственница. – Она понижает голос, подпускает в него участливости. – Ваш бедный отец наверняка очень рад.

Я киваю с улыбкой, а сама думаю: почему Вики считает нужным менять громкость и тон каждые тридцать секунд... и почему отец должен мне обрадоваться?

– Давайте-ка я быстренько все расскажу. Во-первых, вам нужно будет заполнять рецепты и давать ему таблетки.

Вики достает из картонной папки несколько бланков. Я смотрю на них в ужасе.

– Нет-нет-нет. Я не смогу давать лекарства! Я в них не

разбираюсь.

– Тут не в чем разбираться, милочка. Точнее, не в чем разбираться *вам*. Я об этом позаботилась. – Она пододвигает ко мне бланки и ухмыляется с видом магазинного воришки, стащившего два шоколадных батончика, для себя и для меня. – Все, что вам нужно делать, находится здесь! – Вики хлопает по стопке бумаг, оставшихся в папке. – Вы отлично справитесь.

Она протягивает бумаги – на каждой написан день недели – и сообщает:

– Мое собственное изобретение.

В левой графе Вики перечислила название лекарств и их дозировку, в остальных графах – время. Поставила в определенных клетках жирные красные точки – отметила, когда какое лекарство следует принимать.

– Проще простого. Даете нужную дозу в нужное время и зачеркиваете клетку. Та-дам! Ошибиться невозможно.

– Разве не вы должны это делать? Или медсестра, или еще кто-то?

– Простите, милочка, я не в состоянии приезжать к вашему отцу на каждый прием таблеток. Пока я вернусь в город, уже нужно будет ехать обратно. Кроме того, есть еще одинокие люди вроде Кларис Джонсон, о которых некому заботиться. Вам ведь не придется делать уколы, просто пилюли давать.

С очередной ухмылкой Вики с одним «к» поднимает пу-

зырек, полный голубых таблеток, и трясет им на манер карибских маракасов.

– Мало того, я приберегла для вас бесплатный образец обезболивающих! – Ее голос серьезнеет. – Необходимо давать каждые четыре часа по две таблетки.

Она обходит стол, садится в кресло рядом со мной, водружает пузырек на столешницу. Затем кладет большую потную ладонь на мое запястье, которое спокойно лежит на коленке и не просит к себе внимания.

– Здесь хватит на неделю, но... – Вики вздыхает, несколько театрально, на мой взгляд. – Боюсь, вам придется приехать за новой порцией, если отец... неизвестно, сколько еще... – Она на мгновение поднимает глаза, затем ее голос опять веселеет. – Впрочем, это чертовски сильные таблетки. Все будет хорошо. Главное, давайте их вовремя, иначе ему грозит невыносимая боль.

Я киваю, принимая к сведению последние слова: «иначе ему грозит невыносимая боль».

– Дальше. Ваш отец, конечно же, все о вас рассказал...

– Правда?

Еще один сюрприз.

– Да-да. И о ваших брате с сестрой. Я в Блэкханте лишь несколько месяцев, ничего ни о ком не знаю, но Джордж рассказал, что у него трое детей! – радостно восклицает Вики. – Вы, Марк и Рут. Заметьте, он не сумел вспомнить ничьих телефонов, зато я легко нашла в справочнике *вас*. – Она щел-

кает пальцами. – Раз, и готово!

Я смотрю в бумаги, избегая взгляда Вики. Не могу представить, что отец рассказывал ей обо мне, а тем более о Марке и Рут, поэтому на всякий случай просто киваю.

– Между нами говоря, милочка, я не привыкла совать нос в чужие дела, но появлению Марка или Рут ваш батюшка очень удивился бы.

– Вы же знаете, в семьях бывает разное.

Я встаю – пора бежать от этой женщины.

– О да. Дальше я попробовала отыскать номер Рут, подумала – может, она в другом штате, и...

– Мы уже все обсудили? Не хочу, чтобы по моей вине вы опоздали к миссис Джонсон.

Вики вновь бросает взгляд на часы и хватается за докторский саквояж.

– Да-да, кажется, все. Я выйду с вами.

Возразить нечего, и мы покидаем кабинет вместе, будто друзья, встретившиеся после долгой разлуки. По крайней мере, за консультацию Вики с меня денег не берет. В приемной она вдруг спрашивает:

– Вы, по-видимому, знали Венди Боскомб, раз жили рядом?

– Что?

Откуда ей известно про Венди?!

– Печальная история. Я недавно виделась с миссис Б. Она записалась ко мне впервые, поэтому я перед приемом изу-

чила ее карточку, и... ужасная трагедия. – Вики медленно качает головой. – Страшно подумать, как они страдали. Понимаю, день значения не имеет, но исчезнуть всего через два дня после Рождества... – Она тяжело вздыхает.

Я так и не сумела примириться с тем, что произошло с Венди. Жуткая история. Я торопливо шмыгаю носом. Не хватало еще расплакаться перед Вики.

– Да... – выдавливаю с трудом.

– Не знать, что произошло с дочерью... Представляете? Бедная женщина. По ее утверждению, это хуже всего... не знать. «Если б мы только знали, Вики, – твердила она раз за разом. – Если б только знали, что с ней случилось... Мы обрели бы покой, мучениям пришел бы конец». Я не нашла слов для ответа, просто не нашла.

Я сочувственно качаю головой, хотя уверена, что Вики всегда находит слова. Неожиданно меня охватывает жалость, едкая, как запах средства от коровьих паразитов: по правде говоря, при мысли о Венди я обычно думаю о собственном горе, а не о ее несчастных родителях, которые уже столько лет безутешны.

Мы останавливаемся перед аптекой, и грудь сдавливает чувство вины. Однако, судя по вывеске, хозяева сменились. Значит, от неловкости я избавлена.

– Спасибо, Вики. Будем держать связь. – Попрощавшись, я вхожу в аптеку.

После того как все лекарства по рецептам собраны, я осто-

рожно спрашиваю у аптекаря о прежнем владельце.

– Да, я с ним очень долго проработала, а после его смерти мы выкупили дело.

– Он умер? – В желудке шевелится черный, слизкий клубок угрей. – От чего?

Не успевает хозяйка ответить, как за спиной раздается женский крик:

– Подлая грешница!

Я оборачиваюсь. Женщина дает пощечину девочке, у той выпадают из рук пакетик с желейными конфетами и кукла. Я веду себя, как собака Павлова, хотя прошло столько лет. Не могу шевельнуться, слышу только плач девочки, которую женщина – видимо, мать – хватает за руку.

– Прекрати, Белинда! – Мать выкручивает девочке запястье. – Прекрати, слышишь!

Белинда лишь громче взывает.

Мой взгляд неподвижен, спина – будто жердь. Женщина берет с пола желейные конфеты, кидает их назад на прилавок, с силой шлепает девочку по попе, кричит:

– Воровство – грех, мерзкий грех, слышишь?! Хватит реветь, а не то ударю еще раз!

Кукла с фарфоровым лицом лежит в футе от меня, буравит глазами. Я – ледяная твердая глыба, язык прижат к небу.

Моргаю. Оказывается, аптекарша, продолжая беседу, спрашивает:

– Вы их знали?

– Давно, – отвечаю. – Еще пакетик железных конфет, пожалуйста. А его родные по-прежнему здесь?

– Нет. Переехали в Антверпен, кто бы мог подумать!.. Очень странно.

Мне стыдно. За детство, за семью и за себя-взрослую, которая ни разу не связалась с Фелисити или ее родными – ни звонка, ни строчки. Не сообщила даже о своем возвращении. Мысленно даю обещание: когда все это кончится и я отыщу Марка, мы поедem в Бельгию и найдем их.

Железные конфеты – для Белинды, но я понимаю, что ее мать накричит и на меня, поэтому прячу их к лекарствам. Жалкая трусиха.

Тем не менее куклу я поднимаю. Мать выхватывает игрушку, трясет ею перед лицом девочки.

– Раз не бережешь, больше не получишь, ясно? – Запикивает куклу в сумку вниз головой, свирепо смотрит на меня. – Чего уставилась?!

Сердце выскакивает из груди. Я так много всего хочу сказать, но слова невозможны. Стою молча, ненавижу себя – и вдруг вспоминаю, как Фелисити давным-давно вложила в мою ладонь железные конфеты. Ныряю рукой в сумку и, нащупав пакетик, протягиваю его девочке.

– Это тебе, Белинда.

Она не знает, что делать, и мать вновь кричит:

– Что нужно сказать, неблагодарная грешница?!

Белинда бормочет:

– Спасибо.

И мать вытаскивает ее на жаркую улицу.

Дрожа, я забираюсь в машину. В голове не укладывается – это какой же религиозной фанатичкой надо быть, чтобы в наше время вот так разговаривать с ребенком? Кидаю таблетки и бумаги с инструкциями на пассажирское сиденье, сдаю назад. На дорожке стоит Вики, улыбается, машет.

– Шла бы ты куда подальше. – И приветливо машу в ответ, зная, что она меня не слышит. – Если повезет, через пару дней он сдохнет, и больше я тебя не увижу.

Глава 4

Джордж и Гвен

Июнь 1942 года

Во время танца Джордж улыбался Гвен и делал комплименты ее шляпке, глазам и умению танцевать. Говорил тихо, спокойно, уверенно. Гвен это нравилось.

Он рассказал о работе на ферме, где его семья выращивает сахарную свеклу, о старшем брате Билле, вернувшемся с войны без обеих ног. Гвен невольно вздрогнула и тут же забеспокоилась – вдруг Джордж почувствовал ее отвращение? Однако тот лишь улыбнулся и продолжил. У них с братом есть машина. Вернее, не машина, а фургончик, который Джордж дважды в неделю загружает сахарной свеклой и возит на рынок. В то время мало кто из молодых людей мог похвастать подобным. Отец Джорджа умер совсем недавно, мать он потерял еще в семилетнем возрасте. После того, как Билл с Джорджем получают наследство, они продадут родительскую ферму. На вырученные деньги Билл купит небольшой дом в городе, а Джордж – собственную ферму. И фургон. С сахарной свеклой не прогадаешь, пояснил Джордж, ведь на сахар всегда будет спрос.

Гвен слушала, сравнивала. До чего у них с Джорджем разные жизни! Правда, оба потеряли родителей, но на этом сходство заканчивалось. Она трудилась на фабрике по обес-

печению нужд фронта, а по субботам ей разрешали работать у цветочника Стэна Форсайта. Гвен повезло найти это место, друзья завидовали ее возможности проводить день вдали от фабрики. Стэн делал венки для гробов. В том числе для гробов солдат, вернувшихся домой умирать, и для пустых гробов солдат, домой не вернувшихся, и – к сожалению, тоже нередко – для гробов родителей, умерших от горя. Последние венки были самыми печальными. (Интересно, думала Гвен, как умерла мама Джорджа, и не стало ли причиной смерти его отца горе от потери Биллом обеих ног?) Гвен вставляла в каркасы печальных венков листья камелий, сплетала проволокой георгины и камелии, которые Стэн потом крепил поверх листьев, и сбрызгивала водой готовые венки, поддерживая их свежесть.

Похоже, Джордж не служил – и не собирался. Он не упоминал ни военного лагеря, ни назначения в какую-нибудь часть, а спрашивать Гвен не хотела. Может, сирот с братьями-калеками освобождали от военной обязанности. Или работа на свекольной ферме приравнивалась к службе на нужды фронта... Сейчас, когда лицо Джорджа было совсем рядом, Гвен разглядела, что он гораздо старше ее. «Наверное, еще не стар для войны, но стар для меня», – заключила Гвен.

Она решила вежливо отказать, если Джордж пригласит ее на следующий танец, и тут крупная ладонь Джорджа переместилась по спине туда, где под тонкой тканью платья хорошо ощущался бюстгальтер. От смущения Гвен оступилась и пе-

ревела взгляд вниз, на ноги, стараясь сосредоточиться. Однако чем больше она старалась, тем больше ошибок совершала и тем сильнее пылала спина. При этом Джордж улыбался все шире и все усерднее хвалил ее умение танцевать.

В итоге ей показалось невежливым ответить «нет, спасибо» три минуты спустя.

В последующие недели он настойчиво покорял Гвен улыбками, приятными словами, и она все больше радовалась своему решению не отвечать «нет, спасибо». Да и друзьям ее нравился этот интересный, приветливый, улыбчивый мужчина.

Однажды субботним вечером, когда Джордж провожал Гвен от цветочного магазина Стэна (где теперь ждал ее всегда ровно в пять тридцать), к ним подбежал маленький мальчик, весь в слезах. Его мама была шагах в двадцати, не меньше. Она звала: «Кенни, Кенни!» – при этом одной рукой толкала коляску, а другой прижимала к груди ревущего малыша.

– Полегче, юноша! – воскликнул Джордж, опускаясь на одно колено. – Куда спешим?

Футах в пяти от Гвен и Джорджа мальчуган свернул с тропинки – и прямо на дорогу. Размытый силуэт Джорджа метнулся в том же направлении. Взвыл автомобильный гудок, Джордж поймал мальчика за щиколотку, каким-то чудом обхватил его за талию и изо всех сил дернул. Не успела Гвен ничего сообразить, а Джордж с мальчиком уже лежали на травянистой обочине. Ребенок по-прежнему плакал, на его

лице была кровь. Его мама бросила малыша в коляску и помчалась к ним.

Джордж встал. Носовым платком вытер с лица невредимого мальчугана свою кровь, приложил платок к кровоточащему виску.

Когда Кенни и малыш наконец успокоились, женщина пожала Джорджу руку, растерянно забормотала благодарности. Джордж отвел Кенни в сторонку, присел перед ним и твердо, но ласково объяснил, что от мамы убежать нельзя, даже если сердиться на постоянно орущего младшего брата; что скоро Кенни станет мужчиной и должен будет защищать маму и братика. Кенни, еще не оправившийся от потрясения, кивал с несчастным видом.

Мама будущего защитника обеими руками пожала руки Гвен и заметила на ее безымянном пальце кольцо.

– О, – произнесла. – До чего же вам повезло с женихом. Такой добрый и храбрый мужчина!

– Да. – Гвен улыбнулась. – Повезло.

Ее сердце переполняла гордость.

Глава 5

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

Перед глазами Джой плыл образ отца, рубящего ей руки и ноги. Ноздри заполнял запах крови... Вновь скрипнул линолеум – отец второй раз за вечер отодвинул стул. Вышел из кухни. Лишь тогда время возобновило свой ход.

Остальные домочадцы немедленно приступили к ежевечерним делам. Посуду отнесли в раковину, кетчуп спрятали в шкафчик, скатерть стряхнули и убрали в третий ящик, солонку с перечницей поставили в центре стола – для следующего завтрака; посуду вымыли, насухо вытерли и убрали по местам, пол подмели.

Мама загремела в раковине мыльным шейкером – решетчатым контейнером для обмылков: его взбалтывали в воде, в которой потом мыли посуду. Сказала, будто в ответ на вопрос детей, хотя те молчали:

– Все нормально. У папы просто мигрень. Мы должны проявлять понимание и сочувствие.

Был вечер пятницы, и Джой знала, что через несколько минут отец появится в кухне, уже переодетый в соответствующий костюм, и уйдет на собрание Церковных старейшин. По понедельникам и четвергам он посещал заседания общественного комитета, по вторникам – репетиции музыкальной

группы, а по субботам либо играл на гитаре в группе, либо вел торжества по случаю помолвок и свадебных годовщин в актовом зале Блэкханга.

Посуда была почти убрана, когда отец с портфелем старшейшины в руке пересек кухню и без единого слова покинул дом.

Покончив с хозяйственными хлопотами, они посещали ванную: по очереди, от младших к старшим, каждый вечер. Чистили зубы и расходились по спальням. В учебные дни Джой с Марком в течение часа перед сном полагалось делать уроки. У обоих в комнатах стояли самодельные письменные столы – чтобы дети не устраивали беспорядка в кухне. Стол Джой когда-то служил дверью в хлев; отец отшлифовал ее песком и водрузил на два деревянных ящика.

На каникулах родителей не интересовало, чем дети заняты в своих комнатах, – лишь бы вели себя тихо.

Забравшись в кровать, Джой вытащила из-под подушки словарь, открыв его наобум. Каждый вечер она выучивала новое слово, смакуя возникающие образы. Это было единственное время, когда она могла их не сдерживать, когда от нее не требовалось концентрироваться исключительно на значении и написании слова. При должной концентрации Джой читала вполне сносно, но если попадалось слово с очень уж яркой или страшной картинкой – вроде окровавленного топора на слово «резня», – такая картинка овладевала разумом Джой полностью; она не видела ничего, кро-

ме образа, и молча застывала с тупым видом. Неудивительно, что взрослых чтение Джой выводило из себя, а дети над ней смеялись. Однако она не умела выключать образы, как не умела не видеть рук и ног Марка, когда его наказывали; не умела запрещать сказкам уносить ее подальше от реальности, в другие миры, где живут старухи с волшебными коробками.

Рут, конечно, права. Джой пора повзрослеть и покончить с этими смехотворными {голубой жираф} глупостями.

Открыв словарь, Джой решила поискать новое слово, услышанное от мамы. Вот оно. «Мигрень». Джой позволила образу разноцветной молнии, горячей и пульсирующей, заполнить голову. Сильное слово. Два слога бьют, как пули. И картинка сильная.

– Джой! – Голос Рут был шелковистым, красивым. – Убери словарь. Ложись спать.

Джой неохотно спрятала словарь под подушку. Спорить с Рут не хотелось, потому что она всегда выигрывала. Целыми днями, наверное, придумывала, как победить в любом споре. Джой посмотрела на сестру. Та сидела в кровати, расчесывала волосы.

Волосы у Рут были невероятной красоты. Блестящие, коричневато-рыжего цвета, совсем как алмаз на белом лбу Мэйси. Именно ее молоко приносил по утрам Колин; ведь, по словам мамы, молоко Мэйси – самое вкусное. Джой наблюдала за тем, как Рут расчесывает волосы цвета Мэйси,

и в тысячный раз думала, что в сестре прекрасны не только волосы. У нее нежные черты лица и ровно посаженные голубые глаза, как у отца; маленький нос с россыпью коричневых веснушек – словно мама сдула на него крупинки мускатного ореха. Рут была бы идеальна, если б не несчастье... и фиолетовое родимое пятно, покрывающее левую сторону лица. Однако, напомнила себе Джой, если смотреть на правую сторону, то Рут можно принять за ангела {скомканный розовый целлофановый шарик, который медленно распрямляется и шуршит}. Да, Рут напоминала ангела с Небес во всем – за исключением несчастья и левой стороны лица.

– Рут, думаешь, папа болеет и потому принимает таблетки?

Сестра перестала расчесываться.

– Здоровые люди таблетки не пьют. Правда, насчет мигреней не знаю. Может, у него... помнишь, ты нашла слово пару недель назад – эта штука вырастает в животе, когда злишься?

– Язва, – подсказала Джой.

У «язвы» был эффектный образ: громадная красно-коричневая поганка, изрыгающая густую бурую жидкость. Джой заметила, что многие слова с буквой «я» рождали зловещие картинки. Очень странно. Хотя буква «я» сама по себе буква резкая. Жесткая, как пуля.

– По-твоему, папа и правда болеет из-за Марка? – спросила Джой.

– Ты хочешь сказать, из-за тебя и Марка?

Джой поморщилась. Рут права. Отец твердил – ему «больно» от мысли, что на Небесах он один будет в печали, ведь Марк и Джой попадут в Ад. Джой усвоила – она вместе с католиками, иудеями и варварами-язычниками будет вечно гореть, вопить и истекать кровью. Однако отец, похоже, забывал, что идеальной красавице Рут предназначен Рай, и одиночество ему не грозит. Но Джой понимала – если спросить «А как же Рут?», то он рассердится, и потому лишь крепче прижимала язык к нёбу.

Джой произнесла короткую молитву Господу. Хотела сказать: «Милый Боженька, пожалуйста, сделай так, чтобы мой отец выздоровел и ему больше не нужны были таблетки», – но почему-то вышло неправильно. «Милый Боженька, пожалуйста, сделай так, чтобы мой отец умер».

– Джой!

Шепот Рут, острый и быстрый, как свежезаточенный топор, рассек молитву надвое, отбросил на пол, не дал ей улететь сквозь потолок к Небесам.

– Оговорка. Я хотела попросить «сделай так, чтобы мой отец *не* умер».

Рут приподняла брови, буравя сестру взглядом.

– Пора спать.

Джой молча просеменила к двери, погасила свет, на ощупь добралась до кровати. Легла. Угри пульсировали в такт биению сердца.

– Спокойной ночи, Джой.

– Спокойной ночи, Рут.

Джой сунула руку под подушку, сжала словарь. Черные буквы соскользнули со страниц, заплясали по ладони. Чернила были мягкими и пушистыми, как белый бархатный воротник, который миссис Ларсен нашла на платье Джой для воскресной школы. Буквы танцевали, щекоча пальцы и тихонько позвякивая. Сердце забило спокойнее. Слова и буквы были лучшими друзьями Джой.

Если не считать Господа, конечно. И Рут.

Откуда взялись эти жуткие мысли про отца? Джой вздрогнула, попросила Бога о прощении. Пообещала исправиться. Отец прав – она презренная грешница. Ее ждет Ад вместе с католиками и варварами.

Все в точности, как он сказал. «Придет твой час».

Глава 6

Джой и Джордж

Февраль 1983 года

Я сворачиваю на покрытую гравием подъездную дорогу. Удивительно, вдоль нее до сих пор растут сорок две камелии, посаженные мамой еще до моего рождения. Вид у них запущенный, полуживой. Жара и засуха их почти уничтожили, но, думаю, после хорошего ливня и порции удобрений камелии оживут. Как раз к похоронам. Впрочем, погребальные венки для отца мама делать не будет.

Убираю ногу с педали газа, машина замедляет ход по мере приближения к дому. Вот так же замедлялись мои шаги, когда я брела по этой дорожке после школы. Приглядываюсь к клумбам – почти всюду буйствуют красные маки. Я морщусь: раньше клумбы круглый год благоухали цветами, скрывая за яркими красками правду о нашей семье.

Машина останавливается неподалеку от задней двери, и я осматриваюсь, впервые видя это место глазами взрослого. Пастбища насколько хватает взгляда, берег пруда вдаль, полуразрушенные сарайчики, приусадебный участок с погибшими растениями и живучими сорняками (и маками), курятник с провисшим проволочным ограждением, коровий хлев и сам дом – деревянный, старый. Вот оно все, лежит передо мной как на ладони. Выставлено, точно в некоем де-

шевом бессердечном музее.

Таблетки на пассажирском сиденье стонут. Боже... Я-то думала, это в прошлом. Какое-то время просто сижу, не глуша двигатель. Можно развернуться и уехать домой. Сейчас же. Я ведь здесь исключительно по доброте душевной. Вики позвонила, и я ответила «конечно», словно в дурацкой карточной игре «Счастливая семейка». Собери папу, маму, сына и дочь, и – вуаля! – у тебя счастливая семья.

Нет уж. Я приехала не в «Счастливую семейку» играть.

Выхожу из машины, шурюсь сквозь жаркое марево на «пейзаж». На мой ответ о родных краях все реагируют одинаково: повезло, такая красота, зеленые холмы, идиллическая сельская жизнь и так далее и тому подобное. Интересно, как бы понравилось завистникам ежедневно месить на пастбище грязь под дождем и жить в пятидесяти милях от ближайшего города в холодном ветхом доме, чьи полы и стены хранят жуткие тайны? От этих «чудесных зеленых холмов» разит изнурительным трудом по хозяйству, грязью и отчаянием. Да и никакие они сейчас не зеленые – просто желтые, истосковавшиеся по дождю луга, бесконечные луга, повсюду усеянные черными и белыми коровами.

Я чувствую отвратительный смрад с ближнего пастбища, от старого мусорного бака, над которым вьется дымок. Мусор горит изо дня в день, но как?! Уму непостижимо. Даже с такого расстояния пепел и дым опаляют ноздри, горло.

А противопожарная безопасность, ради всего святого?!

Стуком я себя не утруждаю.

... На заднем крыльце любой вошедший первым делом видит высокий шкаф. В нем мы хранили пальто, резиновые сапоги и кое-какой мамин садовый инструмент – за остальным она бегала в большой сарай. Распахиваю дверцы шкафа. Все на месте, даже полиэтиленовый дождевик. Я надевала его в тот день, когда прочла половину первой строчки «Гордости и предубеждения».

При виде мотыги, которой срезали кувшинки, у меня перехватывает дыхание, словно от удара в живот. Я хватаюсь за пальто, чтобы не упасть. Честное слово, если б эта ферма была парком развлечений, его следовало бы назвать «Страхомиром».

Прижимаю вторую руку к животу, сглатываю. Вскидываю голову. Я здесь по одной-единственной причине, и капелька страха – ладно, не капелька, а лавина страхов и воспоминаний – меня не остановит.

Миную прачечную, где мы оципывали мертвых Рут и складировали на зиму вощенные яйца. Затаив дыхание, толкаю дверь в кухню. Жалюзи на южных окнах опущены, здесь темно и неожиданно свежо. Стою на месте, пока глаза привыкают к мраку.

Кого я обманываю? Я замираю, потому что сомневаюсь, можно ли. Можно ли идти дальше, через большую комнату, в спальню отца, к кровати, на которой он лежит?

Темноту разрезает хриплый голос-шелест:

– Здравствуй, Джой. Ты не спешила. Ему ведь, наверное, осталось пару недель. В лучшем случае.

Щурюсь в направлении голоса. Рут. Она ничуть не изменилась. Высокая и худая, с коричневато-рыжими волосами, разделенными посередине пробором; с длинными узкими пальцами и гладкой кожей. Моя старшая сестра. *Идеальная* старшая сестра. Если забыть о родимом пятне. И о несчастье, конечно.

Я выпаливаю, не успев подумать:

– Ты что здесь делаешь?

Уж кого-кого, а Рут я увидеть не ожидала. Увы, придется принять ее как данность. Сгружаю бланки и таблетки на столик.

– Я тоже тебе рада, – отвечает Рут. Даже в полумраке видно, как на левой стороне ее лица пульсирует в такт словам фиолетовое родимое пятно. – Я придумала план.

– Это без меня.

Дергаю вверх жалюзи. И вовсе тут, оказывается, не свежо. Распахиваю горчично-желтый холодильник, который стоит в кухне, сколько себя помню. Изнутри вырывается холодный воздух, дарит облегчение, а открытая дверца загоразживает Рут.

– Зря. Тебе понравится.

Теперь ее голос льется нежно, как шелк, и звонко, как серебряный колокольчик. Рут всегда требовалось время, чтобы после долгого молчания обрести контроль над голосом.

Видимо, какой-то странный побочный эффект несчастья.

– Я помогу тебе получить то единственное, чего ты всегда хотела, Джой.

Достаю из холодильника «Пассиону». Любимый напиток отца. Напиток, который нам даже трогать не разрешалось. Его мало, и я глотаю прямо из бутылки. Жидкость почти безвкусная, зато холодная и мокрая.

– Итак, мы обе вернулись за ним ухаживать, – продолжает Рут. – Хорошие дочери, правда? – Она смотрит на гору лекарств. – Его таблетки?

Игнорируя вопрос, я изучаю скудное содержимое холодильника на предмет чего-нибудь съедобного. Негусто. Злуюсь, что не купила еды в Блэкханте. Между Вики с одним «к» и крикливой матерью Белинды я плохо соображала.

Рут улыбается, откладывая книгу, которую читала.

– Нам о многом надо поговорить.

– Неужели?

– Конечно. Только сперва сходи к нему, повидайся.

Я не двигаюсь с места, сжимая горлышко пустой бутылки из-под «Пассионы».

– Не хочу, – отвечаю, как капризный ребенок.

– Это не так страшно, как ты думаешь, – мягко заверяет сестра.

Кладу бутылку на рабочий стол. Руки горят и подрагивают, угри в желудке извиваются с противным шипением. Отец стар и болен, напоминаю я себе. Практически мертв, если

верить Вики. Чего мне бояться?

– Он ничего не сможет тебе сделать, Джой.

Я провожу пальцами по шрамам на плечах и вновь повторяю то, что тысячу раз твердила по дороге из Мельбурна: «Никогда не забывай, никогда не прощай».

Я и не собираюсь.

Глава 7

Джордж и Гвен

Август 1942 года

Гвен в одолженном подвенечном платье шествовала по церковному проходу и удивлялась тому, как промелькнули два месяца с первого танца с Джорджем. Хотя сейчас многие женились быстро, по крайней мере в Уиллшире, – из-за войн и экономического кризиса. Все было неопределенно и шатко, кроме брака, который навсегда. Особенно, думала Гвен, брак с Джорджем Хендерсоном.

Он проявил удивительную настойчивость, и ее захлестнула волна радости и гордости, когда Джордж признался, что заказал церковь раньше, чем сделал предложение.

Стэн Форсайт передал ее жениху на глазах у пятнадцати прихожан. Затем все угостились праздничными бутербродами с чаем в том самом зале, где Джордж и Гвен впервые танцевали. Еще одно свидетельство его заботливости и чуткости.

Несмотря на любовь к Джорджу, Гвен пришла в ужас от присутствия на свадьбе Билла в безобразной инвалидной коляске и с подвернутыми под культи пустыми брючинами. Гвен старалась на него не смотреть и, даже произнося «согласна», думала – насколько легче всем было бы, если б люди в инвалидных колясках сидели дома, не показывались нико-

му на глаза и никого не нервировали.

Гвен выдавал замуж начальник, потому что отец умер от туберкулеза еще до ее рождения – и до женитьбы на маме. По неким необъяснимым причинам мама отказалась отдать Гвен на удочерение, но однажды оставила ее у своей незамужней тети, пообещав вернуться через два часа, и исчезла. Поговаривали – бросилась в реку за институтом механики, хотя тело так и не нашли. Тетя растила брошенную внучатую племянницу восемнадцать лет, но держалась с ней холодно. Часто в присутствии Гвен информировала всех и каждого: дети – как собаки, и их следует учить хорошему поведению, иначе вырастет дикий зверь. Потому Гвен несколько терялась при виде семей, громко хохочущих в магазине или по дороге в церковь, – и испытывала странное облегчение, возвращаясь в дом двоюродной бабки, в атмосферу вечно тлеющего смутного недовольства.

Ответив «да» на предложение Джорджа, она с гордостью (незнакомое чувство) поняла, что ступила на корабль, на который ее родители даже не купили билета.

Сама свадьба была небольшой и заурядной, зато букет невесты – хоть куда. Гвен собрала и соединила проволокой множество белых роз и зелени из соседских садов, придала букету форму капли с длинным изогнутым хвостом и замаскировала проволоку белой лентой, оторванной от старого платья. Все охали и ахали над роскошной композицией, а на следующей неделе уиллширская газета поместила на

первой странице фото Гвен и Джорджа на пороге церкви. Заголовок гласил: «НЕЖНЕЙШАЯ КИПЕНЬ СВАДЕБНОГО БУКЕТА». Джин, которая была подружкой невесты, решила обязательно показать фото Гвен, когда та заглянет в гости, и спрятала газетную вырезку в фотоальбом. Там вырезка пролежала в ожидании, медленно желтея, не один десяток лет, до самой смерти Джин. Когда ее сын выбрасывал ненужные материнские вещи, он на миг удивился – что за люди? – и кинул выцветшую фотографию в печь.

Джордж с Биллом сумели продать отцовскую ферму, и Джордж действительно купил фургон и другую маленькую ферму, оплатив первый взнос своей половиной наследства. Однако дни сахарной свеклы миновали. Фермеры, выращивавшие сахарный тростник в солнечном Квинсленде, постепенно убивали свекольную отрасль в Виктории. Пришло время выйти из этой игры, поэтому Джордж приобрел ферму молочную – вместе с коровами.

– Людям всегда будут нужны молоко, сливки и масло, Гвен. Поверь, я знаю, о чем говорю.

После свадьбы Гвен с Джорджем сели в его подержанный фургончик и поехали в единственный отель Уиллшира. Там провели всего одну ночь, поскольку наутро им предстояло отправиться в новый дом.

– Зачем нам дорогой медовый месяц? – говорил Джордж с улыбкой, которую Гвен окрестила улыбкой Кэри Гранта⁶. –

⁶ Кэри Грант (наст. Арчибалд Александер Лич, 1904–1986) – англо-американ-

Собственная ферма, обустройство новой жизни – это будет лучше любого медового месяца.

Гвен ничуть в этом не сомневалась.

Утром молодожены заехали к двоюродной бабке за вещами и приданным Гвен. Старушка вручила им на дорогу металлическую коробку с едой и льдом. Гвен бормотала слова благодарности, но не смотрела бабке в глаза – сторала от смущения. Этой ночью Джордж задрал до самой шеи белую фланелевую сорочку Гвен, снял с нее белые трусики и получил доступ к ее бесстыдно оголенному телу.

Грузовичок тронулся в путь, и Гвен почувствовала, как больно пронзает ей сердце бабкино облегчение. Вот так же сама Гвен пронзала флористической проволокой чашечку каждого цветка для своего букета – это было жестоко, но возбуждало.

Чем дальше оставался Уиллшир, тем сильнее охватывало ее предвкушение новой жизни. Не потому, что старая была ужасна, просто фраза «новая жизнь» таила в себе много обещаний. Никакой работы на фабрике, никаких упреков от бабки. Да и Джордж наверняка не станет требовать исполнения супружеского долга каждую ночь.

Шли часы, дороги становились все ухабистей и тесней, дома попадались реже. Ровно в двенадцать тридцать Джордж затормозил, и молодожены, сидя в фургоне из-за дождя, съели оставшиеся от свадебного приема бутерброды. Ровно

в двенадцать сорок пять Джордж вновь завел двигатель. Около двух часов они повернули на размытую неровную грунтовку.

Еще через час Джордж съехал на гравийную дорожку и объявил – мы дома. Гвен оторопела.

Глава 8

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

В субботу, первый день школьных каникул, мама с утра пораньше отправилась за посылкой на железнодорожную станцию в Блэкхэнт – ей регулярно доставляли туда проволоку, ленты и каркасы для венков.

Джой закончила работу по дому и начала готовить обед для семьи, временами поглядывая в сторону большой комнаты, на учебники. Страницы «Гордости и предубеждения» зывали к ней. «Подойди, прочти нас, подойди, прочти».

Отец был далеко, книга – в семи шагах, и Джой, несмотря на предостерегающее шипение угрей, вдруг оказалась на своей кровати с «Гордостью и предубеждением» в руках. Решила: «Прочту десять страниц. Нет, пять. Никто не узнает. Я осторожно».

Как учил мистер Пламмер, первым делом она прочла аннотацию {высокие серебристые качели}. Затем открыла книгу – не нараспашку, чтобы не погнуть корешок, – и погрузилась в короткую биографию Джейн Остин на бледно-кремовых страницах.

– Ох и попадешь же ты в беду, – сказала Рут. – В ужасную-преужасную беду.

Джой пропустила слова сестры мимо ушей.

– Зря ты это, по-моему, – не унималась та. – Опасно.

– Я только пять страниц, – возразила Джой из чистого упрямства.

На следующей странице были сведения о книге. Джой тихонько сглотнула, прочтя название издательства: «Новая мировая литературная библиотека». Перед глазами вспыхнула картинка. Величественное здание, коридоры с высокими потолками и множеством комнат, где авторы в мягкой теплой одежде, не ведающей ни грязи, ни коровьего навоза, пишут на кремовой бумаге перьевыми ручками с ярко-синими чернилами или работают на печатных машинках; пальцы и клавиши дружно стрекочут, будто человек и механизм связаны воедино, трудятся вместе, сочиняют истории, равно увлекательные и для детей, и для взрослых. (Джой улыбнулась – это описание походило на цирковую афишу.) В других комнатах – иллюстраторы; они создают затейливые рисунки, которые расцветят книжные страницы огнедышащими драконами, чумазыми мальчишками-карманниками в охваченном эпидемией Лондоне, древними колдунами, по чьему мановению исчезают летучие мыши, и проказливыми хохотунами-эльфами. Когда иллюстрации и рукописи закончены, их бегом относят в гигантский печатный цех, где сморщенные люди методично {искореженная рука мертвого ребенка} подают рамки с металлическими буквами и гравюрами в лязгающую железную машину, которая занимает всю длину необъятного помещения. Главный печатник делает послед-

нюю проверку, добавляет каплю масла в миниатюрное отверстие, открывает боковую дверцу и заглядывает внутрь, прежде чем начать скрупулезно регулировать какие-то ручки. Он вертит их туда-сюда, те в ответ щелкают. Главный печатник разгибает спину, оглядывает собравшихся вокруг печатников и выверенным решительным движением тянет вниз большой желтый рычаг. Станок звякает, тужится, шипит и вздыхает, а печатные рамки...

– Они скоро вернутся.

– Знаю, знаю. Я только хочу прочесть про общепризнанную истину.

Хлопнула задняя дверь дома. Джой вскочила. Если отец застанет ее за чтением книги из большой комнаты – книги Марка, да еще и без обложки... Джой вздрогнула.

– Быстрее, – шепнула Рут.

Джой повернулась. Поздно. Отец заглянул к ним.

– Ты! Марш на выход!

Она окаменела. Книга Марка так и осталась в грешных руках.

Что теперь? Пришел ее час?

Угри извивались и шипели.

Отец был в сапогах, комбинезоне и испачканном маслом дождевике; над красным лицом навис капюшон, брови сошлись над переносицей.

– Куры разбежались. Марш за мной, быстро!

Он исчез в кухне.

Джой зажмурилась, торопливо поблагодарила Господа и сунула книгу под подушку.

Кур отец терпеть не мог, хотя каждое утро с аппетитом съедал два вареных яйца. «Давно пора от них избавиться!» – выплевывал он зло при виде счета, который поставщики вручали каждый месяц вместе с зерном. Мама, наоборот, кур любила и, к явному раздражению мужа, всем давала имя *Рут*. Джой тоже порядком раздражало, что их называют в честь сестры.

Она выбежала в кухню. Красным зазубренным копьём ударил окрик отца: «Быстрее!» Поспешила за ним на заднее крыльцо, где хранились дождевики и резиновые сапоги. Во дворе заурчал фургон – вернулась мама. Наверное, это отца обрадует?

Он открыл дверь – в дом ворвались холод и дождь. Джой перевернула сапоги, постучала голенищем об пол на случай, если внутрь заполз паук.

– Папа? Мама ведь здорово управляетсЯ с курами. Раз она вернулась, может, ты скажешь ей? Чтобы мы не мокли. Куры всегда прибегают, когда мама стучит по кормушке и зовет их.

Идея была отличная. Не пришлось бы бродить по лугам под дождем и кричать во все стороны. Отец вернулся бы к починке изгороди, а Джой наконец выяснила бы общеизвестную истину...

Но он схватил дочь за горловину свитера и прошипел

в ухо:

– Я сказал «марш», а ты выполняй!

Его ладонь взлетела, ударила Джой по лицу. Она упала на колени. Вспыхнувшая огнем щека стала, наверное, такой же багровой, как у Рут.

– Не указывай мне, ясно?!

Отец вышел на улицу, Джой схватила с крючка дождевик и заторопилась следом по потрескавшейся бетонной дорожке. Натянула капюшон, но это не спасло от косых струй: лицо и шея быстро вымокли и замерзли. Угри в животе катались клубком туда-сюда – и понемногу росли.

Почему отцу не понравилось ее предложение? Девочка проводила взглядом фургон, заезжающий в сарай. Мама вполне могла бы отнести каркасы венков в мастерскую позже, а сперва созвать кур. Джой вздохнула, семена за отцом.

Марк с длинной палкой в руках уже стоял на ближнем пастбище рядом с курятником, глядя в никуда бессмысленным взглядом. Отец выдернул у сына палку. Отослал, как обычно, детей в разные концы пастбища, а сам остался у ворот загона – ровно в том месте, куда следовало направить беглянок, – и принялся выкрикивать указания да шипеть:

– Направо налево назад с-с-с вперед стой с-с-с-с гони их сюда, а не туда с-с-с-с-с-с.

Когда отец не кричал и не шипел на детей, он кричал на кур.

– Вы коров пугаете! Сюда, дурные птицы!

Пугают коров? Это вряд ли. Коровы привыкли к тому, что их собирают в стадо по утрам и вечерам, загоняют в стойло палкой по крестцу и доят; уносят телят, едва те встанут на шатающиеся влажные ножки. Коров не испугает дюжина Рут, клюющих на пастбище. Интересно, а куры с коровами дружат, как дружат утки, коровы, ягнята и жеребята в детских книжках с картинками? В странных книжках, полных лжи про ласковое солнце и добрых фермеров; их мягкие пухлые жены пекут фунтовый кекс⁷ (что это вообще такое?) и готовят лимонад для смеющихся детей, чья единственная забота – потеплее укутать кукольным одеяльцем раненого утенка в кукольной коляске.

Плохо, когда писатели вот так лгут. Они должны рассказывать правду – о грязи, дожде, работе по дому, холоде, счетах и правительстве. Неужели никто из писателей не ходит в Церковь и не знает, что лгать грешно?

Стоя посреди луга, Джой представляла, как коровы беззаботно {лежащий на диване герцог} тянут: «До чего же вкусная трава... Вот только дождь... кончится он когда-нибудь?» Рут квохчет в ответ: «Ко-ко, да, хорошая трава, отличные будут яйца. Только да, ко-ко, когда же кончится дождь? Столько грязи кругом». И разгребают желто-белыми лапками землю, тычут пестрыми клювами то там, то сям в поисках лако-

⁷ Фунтовый кекс традиционно изготавливается из муки, масла, яиц и сахара; каждый ингредиент берется в количестве одного фунта. Считается, что он происходит из Северной Европы с XVII–XVIII вв.

мой букашки...

Левое плечо обожгло болью от удара палкой.

– Ты что творишь?! Хватит мечтать, марш к загородке, пока эти дуры не забежали на выгон к быку. С-с-с-с. Быстро!

Угри заскользили друг по другу. Опять рассердила отца! Второй раз за каких-нибудь тридцать минут.

«Придет твой час».

Он с каждым днем приближается. Надо стараться. Надо быть хорошей. Не повторять ошибок Марка.

Джой потеряла плечо и потрусила к изгороди по мокрой, грязной траве. Косые струи дождя били по щекам, стекали за шиворот.

Через пять минут размахивания палкой и шипения отец крикнул:

– Гвен, Гвен! Куры. Гвен!

Марк и Джой продолжали носиться по лугу, не пуская кур на выгон к быку, когда вышла мама и застучала по кормушке, позвав нараспев высоким голосом:

– Рууууууут-Рут-Рут-Рут-Рут.

Куры суетливой стайкой кинулись к своему загону.

Отец зашагал по грязи к дальнему пастбищу, Марк медленно побрел следом. Сквозь дождевую мглу Джой ясно различила над плечами брата густую темно-зеленую ненависть.

Глава 9

Джордж и Гвен

Август 1942 года

Фургон Джорджа покатил по длинной подъездной дорожке, и взгляду Гвен предстал большой сарай из рифленого железа красно-коричневого цвета. Насквозь ржавый. Она вздохнула, уловила запах упадка и запустения.

Проехали пастбища, усеянные брошенной техникой – старым прицепом, плугом на конной тяге, металлическими колесами, еще какими-то незнакомыми предметами. Как и сарай, все было ржавым, неприглядным.

Джордж затормозил у ветхого деревянного дома в окружении нескольких кособоких деревянных сараев.

Кривая растрескавшаяся дорожка вела к скользким от дождя бетонным ступеням. Гвен поднялась на крыльцо. Джордж толкнул заднюю дверь, оказавшуюся незапертой. Внутри маленький дом был грязным, хотя выглядел довольно прочным. Хозяева («прежние хозяева», поправила себя Гвен) оставили тут всю мебель, всю домашнюю утварь. Сама Гвен об этом даже не подумала. Посмотрев на свои аккуратные кремовые туфельки, она поняла, что вообще не подумала ни о чем дальше свадьбы. Глянула на Джорджа. Тот улыбался. Успокоенная, Гвен представила зависть двоюродной бабки и Джин, когда те услышат о туалете и прачечной не на

улице, а прямо в доме – в умело, хоть и грубо, сколоченной пристройке к заднему крыльцу.

Пока Джордж заносил чемоданы, Гвен изучала комнаты. Возле задней двери – спальня с ванной, идеально для мальчика. Кухня довольно просторная, с деревянным столом, шестью деревянными стульями и коричневым диванчиком перед камином. И холодильником! Надо же, не забрали... Гвен видела холодильники только в магазинах. Надо полагать, предыдущие хозяева были богачами, несмотря на внешний вид дома. Она заглянула в спальню, смежную с кухней (а значит, идеальную для девочки), и перешла в большую комнату, которая вела к парадной двери. Рядом с дверью располагалась еще одна спальня – эта, наверное, будет нашей, решила Гвен.

Чуть позже она, прихватив четыре полотенца из своего приданого, распахнула дверь рядом со спальней мальчика. Думала увидеть чулан, а обнаружила маленькую комнатку размером с ванную. Вдоль одной стены стоял верстак, как в мастерской Стэна: на таком верстаке она втыкала листья камелий в венки. Противоположную стену подпирал шкаф, в нем отлично поместятся полотенца и белье.

Или каркасы венков, нетерпеливо ожидающие чьей-нибудь смерти.

Глава 10

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

Джой помогала маме готовить Рождественские сладости – песочные коржики и пирожки. В заднюю дверь постучали. Девочка отряхнула руки от муки и пошла открывать с улыбкой, поскольку за дверью наверняка стоял мистер Ларсен с еще большей улыбкой на лице. Мистер Ларсен приезжал каждую среду и субботу.

Он походил на огромного приветливого лесника из сказки. Громко смеялся, носил красные клетчатые рубашки под стать красным лицу и шее, имел самые большие в мире руки и часто путал слова, чем смешил Джой – хотя смеялась она только внутри. За исключением одного раза – тогда восьмилетнюю Джой отправили отнести мистеру Ларсену письмо, по ошибке попавшее в их почтовый ящик. Путь был неблизкий, она его одолела, и мистер Ларсен действительно пригласил ее в дом выпить лимонной воды. Джой неловко топталась посреди кухни и смущенно молчала, но помнила, что нужно быть вежливой, иначе отец рассердится. Поэтому она похвалила кухню. Мол, очень красивая. Мистер Ларсен подтвердил с широкой ухмылкой: «И верно, деточка». Добавил – у его кузена недавно дом сгорел, еще и двух месяцев не прошло, пожар начался в кухне. Джой высказала надежду, что

с кухней мистера Ларсена ничего подобного не случится. Тот ухмыльнулся еще шире и заверил: «Этого бояться точно не стоит, деточка». Подошел к небольшому красному цилиндру, висевшему на стене у печки, и ласково по нему хлопал. «Вот, только что приобрел расчудесный огнеглушитель». Джой рассмеялась, затем в ужасе зажала рот, но мистер Ларсен продолжил болтать как ни в чем не бывало.

Миссис Ларсен тоже походила на персонажа сказки – на жуткую мачеху. Она была тощей и злой, с длинным крючковатым носом и прямыми пепельно-каштановыми волосами, которые собирала в низкий хвост и завязывала резинкой. Миссис Ларсен зарабатывала небольшие деньги – шила и чинила платья для соседок. Она перебивала мужа и постоянно его бранила.

– Это что, мне убирать оставили? – проворчала миссис Ларсен, войдя в кухню и увидев в раковине пустой стакан Джой, пластмассовую ручную соковыжималку и половинки лимона.

Джой машинально ответила:

– Простите, миссис Ларсен, нет... – И направилась к раковине.

– Не ты. Я ему говорю, – рявкнула хозяйка дома. – Ну?! – Она воззрилась на мужа.

Мистер Ларсен встал, подмигнул Джой, та сглотнула и сказала, что ей пора. Не забыла поблагодарить:

– Спасибо за лимонную воду, мистер Ларсен. И вам спа-

сибо, миссис Ларсен.

Колин был их сказочным сыном, обреченным на странную, печальную жизнь. Правда, Джой нравилось думать по-другому: в Колине таилось волшебство, о котором не знал даже он сам. По маминым словам, Колин при рождении получил мало кислорода. Как это? Джой не понимала. Тридцатилетний Колин до сих пор жил с родителями, помогал отцу Джой на ферме, а в остальное время смотрел Дьявольский ящик, купленный мистером Ларсеном в год проведения Олимпийских игр в Мельбурне. Почти не разговаривал. Мама объясняла – это потому, что Колин хороший слушатель, и, если уж он начинает говорить, то слушать надо внимательно. В его глазах Джой всегда чудились слезы, будто Колин вот-вот заплачет.

Даже дом Ларсенов принадлежал сказке. Не потому, что представлял из себя замок, а потому, что напоминал книгу сказок, которую тетя Роза прислала Джой на пятый день рождения. Стоило перевернуть последнюю страницу, и перед вами, как по волшебству, разворачивался замок, вставал над страницей. Он был выполнен очень затейливо {лабиринт в старом английском саду} и даже позволял заглянуть внутрь, но только самую малость. Именно так Джой воспринимала дом Ларсенов – он демонстрировал окружающим далеко не все. (Впрочем, если подумать, то и ее дом тоже.) Она любила эту книгу, но в прошлом году та вдруг исчезла. Мама сказала, что отец отдал книгу Церкви, для Рождественской

распродажи.

Словом, открывая мистеру Ларсену дверь каждую субботу (и каждую среду на каникулах), Джой думала о той книге и о сказочном происхождении Ларсенов. Тем не менее ждала его визитов с нетерпением.

– Здравствуйте, мистер Ларсен, – приветствовала Джой. – Входите.

Она отступила, пропуская его в кухню. Отец велел обязательно пропускать других вперед, потому что Джой – девочка и грешница. «Никогда не лезь вперед. Уступай это право другим. Грешникам вроде тебя место в конце. Гордыня предшествует падению».

– Добрый день, Роберт. Как ты? – Мама широко улыбнулась.

Она тоже любила визиты мистера Ларсена.

– Я отличник, Гвен, спасибо большое.

Мама каждый раз одаривала дочь коротким взглядом, точно предостерегала не поправлять мистера Ларсена.

Сколько себя помнила Джой, после обмена приветствиями мистер Ларсен доставал плитку шоколада и клал ее на стол. Затем направлялся в большую комнату со словами:

– Сделаю быстренький межогородный звонок.

При этом позвякивал в кармане монетами – показывал, что в уплату за звонок положит деньги в банку.

И, сколько себя помнила Джой, она хихикала, услышав «межогородный» вместо «междугородный».

Дальше, чтобы «не мешать мистеру Ларсену», мама удалялась в мастерскую и отсылала Джой на улицу.

Сегодня, когда мистер Ларсен исчез в большой комнате, а Джой с мамой покинули кухню, откуда-то из темных глубин разума вдруг всплыла мысль.

– Мама, почему мистер Ларсен звонит по нашему телефону, ведь у них есть свой?

– Откуда мне знать? Советую не совать нос в чужие дела. Ступай.

Трактор мистера Ларсена, как обычно, стоял за оградой. Джой раньше думала – хорошо, значит, мистеру Ларсену не пришлось идти издалека ради срочного телефонного разговора. Однако теперь понимала, что эти звонки не были срочными, ведь мистер Ларсен всегда делал их в одно и то же время – и всегда имел наготове шоколад и монеты.

Спустя двадцать минут Джой уже сидела в кухне и улыбалась мистеру Ларсену, разворачивающему шоколадку.

– Шоколаду, Гвен? Деточка?

Он отломил ряд от плитки, протянул маме, затем отломил еще один – для Джой.

Никто, кроме мистера Ларсена, не давал ей шоколада – нежного, молочного и вкусного. Джой легонько прикусила передними зубами между вторым и третьим квадратиком, оставила шоколад на языке – пусть тает помедленнее, подольше.

Мистер Ларсен с мамой пили чай и беседовали – о до-

жде, о том, что «инсоляция» взвинтила цены до небес, и как теперь зарабатывать на хлеб порядочному фермеру, просто «уму недостижимо». Мистер Ларсен рассказал о корове Кевина Стоуна, которая в начале недели утонула в пруду. Видимо, захотела попить, упала и увязла в грязи. Или увязла в грязи, а затем упала. Очередность неважна. Джой знала – это не первая корова в округе, увязшая и погибшая в пруду.

Ей нравились эти дружеские разговоры, потому что мистер Ларсен был добрым и потому что во время его визитов отец работал на пастбище. Жаль только, Марк помогал отцу и не ел шоколад. Впрочем, сегодня Джой не думала о Марке – ей не давал покоя вопрос, почему мистер Ларсен пользуется их телефоном и кому звонит. Неужели занимается чем-то *грешным*? Например, делает ставки на лошадиные скачки? Или планирует ограбить банк? Джой обсудит это с Рут.

Когда шоколадка закончилась, мистер Ларсен встал, посмотрел маме в глаза и произнес:

– Спасибо, Гвен. Большое тебе спасибо.

– На здоровье, Роберт, – ответила мама с улыбкой.

Затем кивнула дочери – мол, убери со стола. Мистер Ларсен большой красной ладонью сгреб обертку и фольгу, сунул в карман брюк. Посуду Джой отнесла в раковину.

– Увидимся в среду, Гвен. – Мистер Ларсен направился к задней двери. – С тобой тоже, деточка, ты ведь на каникулах...

Джой, как обычно, проводила его и сказала у выхода:

– Спасибо за шоколад, мистер Ларсен.

Он посмотрел на нее так же, как перед тем на маму. Кивнул.

– Мне это в сладость. Рад, что тебе понравилось, деточка. Джой наблюдала, как гость забирается в трактор и уезжает.

Она поспешила назад в кухню, помогать маме с Рождественской выпечкой. Джой радовалась тому, что липкие черные угри тонут в нежном коричневом шоколаде, и предвкушала новую порцию лакомства в среду.

Глава 11

Джой и Джордж

Февраль 1983 года

В комнате стоит затхлый запах; его источают оранжевые одеяла, напитавшиеся от тела предсмертным духом. Полу-мрак напоминает о том дне, когда я спряталась в этой спальне и увидела на кровати змею. Я снова здесь, не один десяток лет спустя, стою на пороге и категорически отказываюсь бояться. Усталый вентилятор в углу гоняет по комнате горячий воздух; отец лежит в кровати, смотрит в никуда.

– А, это ты... Не очень-то спешила.

Голос слабый, остальное не изменилось.

– Прости, я... пришлось закончить кое-какие дела на работе. Приехала, как только смогла.

«С какой стати я оправдываюсь?!»

– Что сегодня за день?

– Вторник, папа.

– Работаешь по выходным?

– Нет. Ну, бывает. Я...

Все. Хватит. Нечего со мной так разговаривать. Я уже не ребенок. Поеду в мотель в Блэкханте, поживу там, пока отец не умрет. Заправлюсь горючим из сорокачетырехгаллонной бочки в сарае – и поеду.

– Воды. – Отец закашливается, машет рукой в сторону

столика. На нем – ярко-желтая детская чашка-непроливайка с двумя большими пластмассовыми ручками и крышкой с носиком.

Пожалуй, воды я подать могу. Это не уступка.

– Хорошо, папа.

– Быстрее... – шипит он.

Вкладываю чашку ему в руки. Они напоминают куриные лапки: тонкие кости и узловатые вены под полупрозрачной кожей.

Пока отец пьет, я размышляю – унижительно ли ему чувствовать собственную слабость? Рут права, его больше нечего бояться. Однако сердце никак не может успокоиться, а в животе просыпаются угри.

– Мне нужно обезболивающее, Гвен.

Вики тоже права. Отец оторван от реальности, принимает меня за маму. Что говорила Вики? «Вовремя, иначе ему грозит невыносимая боль».

– Рано, папа. Часа через полтора.

– Ты что, доктор, Гвен? Дай таблетки.

– Я – Джой, папа.

– Давай уже таблетки!

В кухне сверяю часы с таблицами Вики. Говорю Рут:

– Еще не меньше часа. Как быть?

– Дай лекарство, – она пожимает плечами.

– Мы ведь нарушим расписание. Вики дала таблеток всего на неделю. А если начнутся боли каждые три часа? Или

чаще?

– Господи, Джой, тогда дадим очередную дозу. Если ему больно, мы даем обезболивающее. Чего тут сложного?

– В расписании сказано – до двух часов новая доза не нужна.

– Предпочитаешь, чтобы он корчился от боли и вот так стонал? Доводил нас до одурения?

Стоны из спальни звучат громче.

– Ладно, ладно...

Высыпаю из пузырька две голубые таблетки, отмечаю крестиком в расписании прием лекарства в два часа и возвращаюсь в спальню. Вкладываю таблетки в раскрытую ладонь отца, наблюдаю за тем, как он соскребает их губами и делает глоток из чашки.

Надо же, как все просто...

Он указывает на «Блэкхэнт газет», валяющуюся на полу. Я ее поднимаю – газета двухнедельной давности.

– Почитай мне что-нибудь.

Раскрываю страницу с некрологами и следующие пять минут читаю их вслух. Отец качает головой, если не узнаёт имени покойного, и поднимает указательный палец, когда хочет услышать объявление целиком. Временами немного печалится.

Некрологи заканчиваются, отец говорит:

– Хорошо, иди.

Я встаю и вдруг понимаю, что вновь веду себя, как две-

надцатилетняя девочка. Не собираюсь я уходить по приказу! У меня к отцу вопросы. О том, что он сделал со своими детьми. Ну и, конечно, нужно разобраться с историей Венди Боскомб.

– Минутку. Я хочу спросить...

– Рут, – умоляюще перебивает отец.

Я злюсь, но, если честно, чувствую себя польщенной – ведь он перепутал меня с идеальной Рут. Отец тычет в пустую непроливайку.

– Принеси «Пассионы».

– Извини, папа, ее нет.

– Значит, купи.

– Утром я съезжу в город и заодно куплю нормальной еды.

Похоже, я все-таки остаюсь.

– Вот еще... Я хочу «Пассиону» сейчас.

На то, чтобы доехать до города, приобрести все необходимое и вернуться, уйдет три часа. Ну уж нет.

– Папа, я ведь только...

– Я умираю. Ты это понимаешь? Умираю.

Уже на полпути к двери меня настигает его рык:

– И не вздумай привезти дешевую подделку!

В большой комнате я вздыхаю. Вот мерзавец! Разбил меня в пух и прах. Ладно, «Пассиону» я привезу, но больше не потерплю никаких гадостей. И не сбегу.

– Садись и рассказывай, – спокойно предлагает Рут, хлопывая по дивану.

– Придется ехать в город за «Пассионой» для гада. Плюс нам нужна еда. И еще один вентилятор. Я тут расплавлюсь.

На лице Рут, естественно, нет ни капли пота – только страшное родимое пятно.

– Я вот думаю, – говорит сестра. – Лекарство. Это решение. Вики обеспечила нас именно тем, что нужно.

Жара невыносимая. Я, в отличие от Рут, жутко потею, и к тому же не понимаю, о чем она.

– Ты ведь *понимаешь*, о чем я.

Господи, ненавижу, когда Рут так делает. Будто мои мысли читает.

– Послушай, я приехала только ради ответов. И его признания.

– Признания?! – изумленно восклицает она. – В чем?

– Во... во всем.

– Размечталась.

Покачав головой, Рут говорит дальше. От ее серебристого голоса трудно оградиться. Так было всегда: Рут вкладывала идеи в мою голову, я молча слушала.

Перед уходом захожу к Марку. Замираю в попытке обуздать разбушевавшиеся чувства, но в комнате ничего о нем не напоминает. Сюда нужно поселить Рут – по крайней мере до моего отъезда, чтобы не шептала мне на ухо всю ночь.

Заглядываю в мамину мастерскую. Всегда полная красок и цветочных запахов, теперь она пахнет пылью и одиночеством. На верстаке до сих пор стоят банки с проволокой,

а на стержень нанизаны катушки с лентами – брошенные и жалкие, как опустевшая после ярмарки площадь. В шкафу наверняка лежат каркасы венков. Все мое детство мама, если не стряпала и не работала в саду, находилась здесь. Видимо, люди умирали постоянно, и постоянно требовалось делать новые венки. Здесь же она отсиживалась, когда отец раздавал наказания.

Неудивительно, что ребенком я воспринимала маму как некое бледное пятно оттенка картонной папки, как безучастную фигуру – она не знала, что делать, и умела лишь одно: удаляться в мастерскую и создавать букеты для беременных подростков и венки для покойников. Странно, я никогда не задумывалась, люблю ли маму, любит ли она меня. Мама просто была, и все. На заднем плане, физически и эмоционально. Еще одна молчаливая слушательница – особенно наших криков.

Теперь-то я, конечно, понимаю, что сюда она сбегала. Укрывалась в мастерской даже во время единичных визитов дяди Билла и тети Розы – ненавидела его безобразную инвалидную коляску и пустые штанины. Как только все допивали чай и отец доставал фотоальбом – вероятно, чтобы избежать неловкого молчания, – мама вставала и уходила в мастерскую под предлогом недоделанных венков. Я вытягивала шею, чтобы разглядеть три младенческие фотографии (по одной на каждого из нас). Вот они мы, новорожденные, с закрытыми глазами, завернуты в больничные одеяла. Обычно

я ловила себя на мысли, что мы с Рут выглядим одинаково, но не успевала рассмотреть подробнее, поскольку эту страницу отец всегда переворачивал быстро.

Теперь-то я понимаю – мама удалялась в мастерскую потому, что ненавидела тот фотоальбом не меньше инвалидных кресел.

* * *

В город за бесценной «Пассионой» я еду на очень большой скорости, и в этом виновата Рут. В ушах вновь и вновь звучат ее слова: «Он все равно через несколько дней умрет, так что мы вполне можем организовать гаду передозировку. Никто ничего не заподозрит, а мы наконец отомстим».

Глава 12

Джордж и Гвен

Август 1942 года

Гвен вернулась в грязную кухню, воодушевленная открывающимися возможностями. Хорошая уборка все тут изменит. И цветы на кухонном столе. Где-нибудь в этих диких травяных зарослях должны расти цветы. Гвен посадит еще – в ближайшие недели. В ближайшие недели, месяцы и годы.

Однако отправиться на поиски цветов она не успела, так как Джордж предложил ей разобрать вещи, пока он осмотрит сараи, пастбища и сто двадцать коров, которые теперь тоже принадлежат им. Бросил взгляд на часы.

– В четыре пятнадцать выпьем чаю.

Джордж вышел, а Гвен почему-то вздохнула и расслабила плечи. Утомилась, наверное, от свадебных волнений и долгого путешествия. Она достала еду, затем восемь свадебных подарков: три скатерти из дамаста, два комплекта льняных кухонных полотенец, два набора для соли и перца и подарок от Джорджа – шесть красивых стаканов, которые его родители получили на собственную свадьбу больше тридцати лет назад. Стаканы из тончайшего стекла, украшенные золотым ободком и золотой виноградной лозой поверх матово-белой полосы. Для чего можно использовать эту удивительную красоту? Гвен так и не сумела придумать. Сильно же Джордж ее

любит, раз дарит фамильные ценности. . . Гвен с величайшей осторожностью отнесла их в большую комнату и расставила в два ряда в серванте. Бережно закрыла дверцы.

Затем застелила кровать простыней и наволочками из своего приданого и тонкими оранжевыми одеялами, которые остались от хозяев. Повесила в старый деревянный шкаф брюки, рубашки и пиджаки Джорджа, два своих платья и три вязаных жакета. Повернулась к трюмо – сюда поместятся нижнее белье, носки и свитера. Поежилась, потеряла плечи. Да, в доме холодно, свитера пригодятся.

Трюмо, как и холодильник, наверняка стоит целое состояние, подумала она. Шесть узких ящичков один под другим и два больших отделения под огромным зеркалом с волнистой кромкой. Однако, повернув зеркало поудобнее, Гвен обнаружила, что оно все серое и в пятнах, к тому же кривое: ее отражение смутно выступало из затемненного и словно очень далекого фона. Гвен вздрогнула, отвела взгляд и решила улизнуть назад в комнатку, которую уже мысленно назвала своей мастерской.

«Улизнуть». Какие глупости. Гвен может делать в этом доме что хочет. В *своем* доме.

Да, комнатка отлично подойдет для изготовления венков и свадебных букетов. Когда в магазине у Стэна Гвен подрезала, скрепляла проволокой, обматывала лентой и составляла композиции, ее пальцы оживали, и она забывала обо всем, что творится в мире, – даже о безногих солдатах и безутеш-

ных матерях. Здесь же не придется платить аренду, и получится устанавливать цены гораздо ниже, чем городской цветочник (где тут ближайший город, интересно?). Особенно если будет сама выращивать цветы. Она представила дом в окружении гортензий, камелий, роз, ландышей, магнолий и маков. И, конечно же, хризантем, георгинов, гвоздик... список был бесконечным. Гвен протерла верстак намыленной тряпкой, которую нашла под раковиной, и уперлась руками в бока. Вот так. Джордж будет гордиться своей женой!

Она бросила взгляд на часы – почти двадцать минут пятого. Почему-то ахнула и поспешила в кухню.

Глава 13

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

Джой закрыла двери за мистером Ларсеном и вдруг вспомнила про книгу «Гордость и предубеждение», которую спрятала под подушку при внезапном появлении отца. Угри зашевелились. Джой с трудом поборолла острое желание кинуться в спальню и спасти книгу. Лишь через полчаса мама сняла фартук и ушла в мастерскую.

За пять быстрых шагов Джой одолела расстояние до своей комнаты и, не обращая внимания на Рут, подняла подушку. Угри злобно задергались, заскользили липкими телами по стенкам желудка – она в ужасе заметила, что на лицевой стороне обложки загнут уголок. Обложка захныкала, взвыла: «Смотрите, что со мной сделали!» Джой покосилась на двери (пожалуйста, Господи, пожалуйста, пусть никто не войдет!), лихорадочно разглядила обложку и сжала книгу обеими руками. Та сурово прорычала: «Подлая грешница. Испортила прекрасную книгу». Джой в отчаянии повернулась к Рут, но сестра лишь пожала плечами и покачала головой.

Отец наверняка услышит эти крики и обвинения. И для Джой все изменится. Вот он... пришел ее час.

Однако кухонная дверь оставалась закрытой. Джой прокралась в большую комнату, молча умоляя обложку замол-

чать. Угри не унимались. Девочка погладила место сгиба, попробовала стереть залом. Сунула рыдающую книгу под тетради, положила наверх стопки толстый учебник по математике для пятого класса. Тяжелый учебник заглушил всхлипы романа, и Джой расслабила плечи, выдохнула. Только собралась отпустить математическую книгу и проверить, не завалит ли она всю стопку, как хлопнула задняя дверь и в кухне послышались шаги отца.

Джой оказалась в ловушке. Из большой комнаты были выходы только через кухню (невозможно), через парадную дверь (всегда заперто, ключ хранится в ящичке серванта) или в родительскую спальню (запрещено).

Джой услышала, как отец толкнул двери в ее комнату.

– Джой!

Один-единственный слог – а будто дерево рухнуло. Сердце заколотилось о ребра.

– Ты где?!

Ботинки отца затопали по кухне в направлении большой комнаты.

«Прошу, Господи, прошу...»

Нужно выбирать. Джой отняла руку от книжной стопки, но учебник по математике зашатался, и стопка накренилась. Пришлось прижать ее к столу.

Ботинки остановились.

«Вот и все. Он слышит мое дыхание. Или грохот сердца».

Книга опять взвизгнула – правда, приглушенно: «Она здесь!»

Здесь! Где быть не должна! Душит меня! Спасите!»

Джой вновь услышала шаги отца и поняла – это конец. Пришел ее час.

Она стояла возле стопки книг, удерживая в равновесии учебник по математике, и не отрывала взгляда от двери, а из каждой поры струились черные бусинки страха, бежали по рукам, по ладоням...

– Джордж? – позвал с заднего крыльца мамин голос. – Роберту нужна помощь. Трактор застрял.

Отец недовольно буркнул и вышел из кухни. Джой, всхлипывая, выровняла книжную стопку. «Гордость и предубеждение» издали короткий, едва слышный стон.

«Благодарю, Господи, благодарю, мистер Ларсен». Джой сделала два шага к кухонным дверям и тоскливо оглянулась. Не скоро ей удастся прочесть «Гордость и предубеждение»...

Еще через шаг Джой вновь остановилась – услышала в кухне маму. Та обязательно расскажет отцу о том, что Джой заходила в большую комнату два дня подряд.

– Джой, ты у себя?

Она стояла молча. Если б еще сердце билось потише...

Мама открыла дверь в комнату девочек.

– Ты где?

Рут не выдаст сестру. Опасность миновала; теперь мама отправится искать Джой во дворе.

Внезапно зазвонил телефон, и ее сердце замерло. Не

пройдет и десяти секунд, как мама будет здесь. Остается только один вариант. Через два длинных шага и один толчок приоткрытой двери Джой оказалась в спальне родителей. В единственной комнате, где никогда не бывала. Она осторожно вернула дверь в прежнее положение, оставив ее приоткрытой на дюйм-другой.

Тихонько отошла в глубь спальни. Мама подняла трубку, быстро назвала их телефонный номер:

– Три-пять-пять.

Тяжелые коричневые жалюзи были опущены, в спальне царил почти полная темнота. Тошнотворно пахло нашатырным спиртом и старой тальковой пудрой, от чего угри занервничали, сбились в ползучий клубок.

– Здравствуйте, миссис Уэдделл. Как поживаете?

Мама сейчас у столика с гладким черным телефоном. Джой всегда завораживала эта холодная гладкость. Этим он был обязан материалу, который мистер Пламмер называл бакелитом⁸ {рысь перед прыжком – натянутая как струна, мускулистая, неподвижная, выжидающая}.

Рядом с телефоном располагалась банка, куда родители – и мистер Ларсен после своих звонков – клали монеты; тут же лежали старые счета, скрепленные большим зажимом. На обратной стороне счетов мама записывала заказы на венки и букеты, каждый заказ на отдельном листке, потом заби-

⁸ Бакелит – твердый легкоплавкий материал, способный имитировать кораллы, янтарь, слоновую кость и даже черепаховый панцирь.

рала эти листки в мастерскую. В результате можно было не тратиться на блокноты. Еще на столике находился телефонный справочник с номерами множества людей. До Джой долетало «щелк-щелк-щелк» – это мама бездумно передвигала закладку на справочнике вверх-вниз. Она всегда так делала, когда не записывала заказ.

– Да, я тоже с сожалением прочла о его смерти. Верно, похороны завтра. Нет, вы не опоздали. Один десятидюймовый венок с кувшинками. Что написать на карточке?

Джой стояла с закрытыми глазами, не шевелясь, и слушала маму, от страха даже не смея рассматривать эту странно пахнущую комнату. Пока мама не закончит разговор, двигаться нельзя. Только что же делать, если в спальню явится отец? «Придет твой час».

Отец убьет ее.

Хотя быть мертвой не так уж и плохо. Больше никакой домашней работы, никакой грязи, никакого отца...

Джой открыла глаза, огляделась в полумраке. Перед ней у противоположной стены стояло трюмо с двумя рядами ящичков и большим зеркалом. В ящиках наверняка лежат родительские трусы. Джой приводило в ужас то, что родители имели попы и носили трусы. В голову полезли жуткие картинки, и Джой, крепко зажмурившись, тихонько забормотала любимые слова – пусть их образы вытеснят то, другое. «Девственно-чистый, радуга, филигранный, катапульта».

– Да, записала. «С глубокими соболезнованиями, семья

Уэдделл». Очень душевно, миссис Уэдделл.

Вновь услышав мамин голос, Джой открыла глаза и уставилась в крапчатое зеркало. В комнате было темно, отражение казалось очень далеким, но Джой все равно различила унылую и жалкую тень худенькой одиннадцатилетней девочки. Она явно боялась. Всего. Джой повернулась к родительской кровати – и зажала рот ладонью, заглушая вскрик. На темном покрывале кольцом свилась черная змея! Даже в полумраке ее голова блестела, виднелся кончик острого серебристого языка.

Джой знала, что в холод и слякоть змеи с пауками часто заползают в дома в поисках сухого теплого места. Потому-то и нужно хорошенько встряхивать полотенце, вынимая его из шкафа, и нельзя совать ногу в сапог, предварительно не постучав по перевернутому голенищу.

Змея не шевелилась. Берегла энергию, но вполне могла чутать страх, который волнами расходился по телу Джой. Она попала между двух огней – между ядом змеи и гневом отца. Даже если мама сейчас же вернется в кухню, Джой не сумеет сдвинуться с места, потому что ноги приклеились к ковру, а взгляд – к змее. Та в любую секунду бросится на Джой и убьет ее. Когда Джой не придет чистить картошку к чаю, ее станут искать в комнате, в сараях и на пастбищах, но не найдут. Лишь после чая, после того как отец выпьет таблетки, а мама закончит веноч для миссис Уэдделл, лишь тогда они обнаружат Джой здесь, мертвую, холодную и на полпути

к Аду.

Наверное, вздохнут с облегчением. Одним едоком меньше. Одним грешным, позорящим семью ребенком меньше.

Тем не менее она торопливо закрыла глаза и помолилась – пусть змея не захочет покидать теплую кровать, пусть... Открыла глаза. Язык змеи затрепетал, замелькал быстрее. Рептилия учуяла страх и приготовилась к нападению.

Глава 14

Джордж и Гвен

Август 1942 года

Джордж, скрестив руки, уже сидел верхом на столе.

– Когда я говорю «четыре пятнадцать», дорогая, я имею в виду четыре пятнадцать.

– Прости, дорогой. Я отвлеклась. Ты знаешь, что?..

– Не могла бы ты поставить чайник? – Джордж улыбнулся. – Твоя бабушка, случайно, не дала нам с собой печенья?

– Дала, Джордж. – Гвен улыбнулась в ответ. – У нас есть ломтики лимона и овсяное печенье с кокосом.

– Я буду лимон, дорогая.

Пока она ставила воду, споласкивала фарфоровые чашки и алюминиевый заварочный чайник, Джордж исчез в спальне. Вернулся, когда чайник засвистел.

– Я вынул из шкафа одежду и разложил ее по комплектам, нужно будет развесить правильно. Брюки, рубашка, свитер или пиджак – каждый комплект на отдельной вешалке, как полагается. Тебе советую поступить так же, дорогая. Я возьму себе те ящики трюмо, которые справа. Ты можешь использовать два больших отделения. – Джордж улыбнулся, похлопал жену по руке. – Так нам обоим будет гораздо удобней.

– О... Да, хорошо.

Несмотря на его улыбку и ласковое похлопывание, Гвен почувствовала себя униженной. Впрочем, стоит ли расстраиваться? Разве важно, где будут лежать ее вещи, в одном ящике или в другом? Да и вещи Джорджа она, наверное, развесила несколько небрежно, занятая мыслями о будущей мастерской...

Гвен залила кипятком в заварочный чайник, накрыла его вязаным розовым чехлом, который нашла в третьем ящичке. Положила на блюдце два ломтика лимона и поставила чайник с блюдцем на стол. Пока отошла за молоком и чашками, Джордж успел съесть лимонный ломтик. Она плеснула в обе чашки молока, вдохнула поглубже и беззаботно произнесла:

– Джордж, помнишь комнатку рядом с задним входом? – Налила заварку в чашку мужа. – Там есть рабочий верстак, и я подумала...

– Он не крепкий.

– Что?

Джордж указал на чайник.

– Слабо заварен.

– А, чай...

Учитывая строгие продовольственные нормы, Гвен бросила в чайник всего полторы щепотки чайных листьев. Наверное, надо было заваривать подольше?

Она сделала чайником несколько вращательных движений, молча досчитала до тридцати, опять повращала. Нерешительно налила заварку во вторую чашку, с улыбкой подо-

двинула Джорджу. Он улыбнулся в ответ, взял второй ломтик лимона.

Гвен достала себе ломтик из жестяной банки, вновь села. Откусила печенье и сказала:

– Я подумала...

Кусочек кокоса застрял в горле, дыхание перехватило. Джордж наблюдал за тем, как она семенит к раковине, кашляет, вытаскивает из шкафчика стакан, наполняет его водой, пьет.

Глотая воду, Гвен с ужасом подумала о том, что не помыла стакан, а в шкафчиках, наверное, давно бегают тараканы. Сколько дом простоял пустым? Месяцы? Годы?

С не меньшим ужасом она поняла, что не знает о ферме не только этого, но и вообще ничего, даже адреса. Не знает, почему прежние владельцы переехали, почему оставили все вещи, от трюмо со странным зеркалом до омерзительного чехла на чайник. Не знает, умеет ли Джордж доить коров.

Когда кашель отпустил, Гвен заставила себя не думать о проглоченных тараканьих яйцах и спросила:

– Ты умеешь доить коров?

– Научусь. – Джордж вскинул руку, посмотрел на часы. – Примерно через десять минут. В пять приедут соседи и научат нас.

– Нас?

– Ну, я же не справлюсь один, Гвен. – Он улыбнулся. – Мне понадобится твоя помощь.

– О...

Она постаралась изобразить беззаботную радость, но сердце словно облили черной краской.

Глава 15

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

Джой знала – змеи быстрые и злые. Она могла надеяться лишь на то, что эта змея решит сползти на пол и только потом напасть, а не метнется прямо с кровати к горлу Джой. Она высчитала: у нее будет две секунды, если змея атакует с кровати, и три – если сползет на пол.

«Господи, прошу, помоги, обещаю – я больше никогда не сделаю ничего плохого, никогда не прочту «Гордость и предубеждение», даже не трону ее. Ибо Твое есть царство, и сила...»

Джой лихорадочно размышляла. Чтобы выбраться, надо либо быстро прыгнуть за порог спальни и захлопнуть за собой дверь, либо прокрасться к выходу очень медленно, не привлекая внимания змеи. И уже все равно, увидит ли мама, даже – увидит ли отец. Лишь бы сбежать от змеи.

Не отрывая от нее взгляда, она услышала откуда-то издавка мамины слова:

– Спасибо, миссис Уэдделл. Да, наверное, увидимся на похоронах.

На самом деле мама не собиралась ни на какие похороны. Она их ненавидела, несмотря на доход от венков.

Раздался щелчок – телефонная трубка легла на рычаг.

Сейчас мама возьмет листок с записанным заказом и уйдет в мастерскую. Джой чувствовала: пока она слушала, змея решила напасть, наказать – убить Джой – за все ее грехи. Девочка сглотнула, перестала дышать. Сейчас или никогда. Не выпуская змею из виду, приготовилась. Продолжая думать о наказании, рванула к двери. Открыла ее и резко оглянулась – что змея?

Та неподвижно лежала на прежнем месте. Джой в замешательстве остановилась. На кровать упал свет из большой комнаты, и она едва не вскрикнула. Вот дурочка! Нашла чего пугаться! Это же обычный ремень – аккуратно свернутый отцовский ремень...

До чего унизительно! Джой кинулась в кухню. Молча одергивая себя «успокойся, успокойся», достала из шкафчика картошку, схватила нож. Руки дрожали, угри волнами перекатывались в желудке. Ее вырвало в раковину.

На пороге кухни выросла мама.

– Где тебя, ради бога, носило?!

Джой, которая как раз смывала с раковины желчь, попыталась придать себе обычный вид. Язык прилип к нёбу.

– Отец в курятнике. Давай к нему, бегом. Сегодня у нас запеченная курица.

Джой прошмыгнула мимо мамы, выскочила во двор. Как так можно – мама говорит, что любит кур, а сама разрешает отцу их убивать? Джой не понимала.

...Отец шагал от сарая к курятнику, серый капюшон курт-

ки затенял лицо. На плече топор – длинная рукоять качается в такт шагам, лезвие блестит.

Он прислонил инструмент к темной деревянной колоде в пятнах крови, расположенной в нескольких футах от проволочной калитки, и вошел в загородку. От Джой требовалось придержать калитку, быстро открыть ее, выпустив отца, и тут же запереть, чтобы куры не выскочили.

При его появлении все двенадцать Рут помчались в дальний угол грязного загона, расталкивая друг друга и пытаясь взлететь. Однако их крылья подрезали еще в тот день, когда будущие куры появлялись на ферме крошечными цыплятами: они легко помещались в красной отцовской ладони и даже не подозревали о том, что у них есть крылья.

Быстрым движением отец сгреб одну Рут, растопыренными пальцами остановив хлопанье бесполезных крыльев. Так просто... Куры с недовольным кудахтаньем вновь разбрелись по загону. Отец с пойманной Рут вышел через калитку, которую Джой открыла и тут же заперла.

Дальше ей полагалось ждать под морозящим дождем.

В момент удара она зажмурилась.

Отец с окровавленным топором протопал назад в сарай, а Джой понесла мертвую Рут в прачечную. Зажала куриные лапки и ручку ведра в одной руке, чтобы кровь Рут стекала с безголовой шеи на безжизненную голову на дне. В прачечной мама лишила Рут лапок тем самым секатором, которым ей однажды подрезали крылья, бросила лапки в ведро,

а тушку – в холодное цементное корыто. Мертвая Рут неуклюже распласталась в корыте, и мама принялась выщипывать перья. На ее руки и на мертвую птицу лилась холодная вода, смывая кровь и грязь. Мокрые перья налипали на мамины ладони, на серое цементное корыто, на пол. Застредали в сливном отверстии – вместе с почками, сердцем, потрохами, кишками. Белоснежные перья на розовых внутренностях.

От запаха у Джой выворачивало желудок наизнанку.

Ощипанную Рут мама забрала в кухню, а внутренности с перьями поручила дочери: та собрала перья и отнесла их на компостную кучу. Затем выудила из сливного отверстия потроха и кишки, положила в ведро, к лапкам и голове Рут. Под неутихающим серым дождем потащилась к куриному загону и через ограду высыпала содержимое ведра в грязь. Оставшиеся одиннадцать Рут засемили к угощению. Смотреть не хотелось, но Джой опустила ведро, ухватила пальцами за провислую проволочную ограду и стала наблюдать, как Рут клюют и дерутся, как пожирают и заглатывают кусочки своей сестры. Наконец она расцепила покрасневшие пальцы, ополоснула ведро, слила розовую воду в куриное корыто и пошла с ведром в сарай. Отец сидел там на старом табурете, полируя головку топора мягкой синей тканью, которую хранил в пластмассовом футляре. Джой перевернула ведро, прислонила его под углом к стене, чтобы сохло, и вернулась в дом.

Мертвая Рут уже была в духовке, а на рабочем столе лежала картошка, ждала, пока ее почистят и добавят к запекающейся птице.

Джой чистила и думала об одном-единственном молниеносном ударе отцовского топора с новенькой блестящей головкой. Представила себя на месте отца: вот она стоит у колоды, одной ногой прижимает дергающуюся, кудахтающую Рут. Заносит топор, как это делал отец, и опускает одним быстрым движением, в точности как он.

Вот только голову отсекает не Рут, а ему.

Глава 16

Джой и Джордж

Февраль 1983 года

Я просыпаюсь от его стонов, проникших в мои сны. Боже мой, только два часа ночи... До меня вдруг доходит – если отец нуждается в обезболивающих каждые четыре часа, значит, и ночью тоже.

Хорошо, что я оставила двери открытыми, а то не услышала бы его стенаний.

Хотя, как по мне, пусть бы мучился и дальше.

Интересно, долго ли я смогу выдерживать его вопли? Пока выжидаю, думаю о прерванном сне. Ничего похожего мне не снилось с тех пор, как я последний раз спала здесь. Вздрагиваю, вспоминая, – очень уж все было реально. Как обычно. Естественно, это Рут виновата; она и ее идеи мести.

А вдруг на самом деле я – убийца, которая во сне видит себя нормальным человеком, а не нормальный человек, видящий себя во сне убийцей? Ведь я слышу стоны и мольбы отца, разве такое возможно наяву?

Сон как рукой сняло. Если он продолжит в том же духе, уснуть мне не удастся.

Включаю в его комнате свет. Гора оранжевых одеял вздымается и опадает в такт дыханию и стонам. Лицо старика серое, в глазах ужас.

– Папа, – подбегаю я к кровати. – Тебе плохо?

Он хватается ртом воздух, лицо из серого делается розовым.

Вытряхиваю из бутылочки таблетки и подаю чашку-непроливайку, в которой теперь плещется «Пассиона».

– Прими лекарство. Быстрее. Скоро полегчает.

Пока отец глотает таблетки, я стараюсь успокоиться. Мать честная, я думала, он сейчас умрет. *По-настоящему* умрет. У меня на глазах. Господи, ну и испугалась же я... Очевидно, какой-то мятежный нейрон сработал.

Дыхание отца выравнивается. То ли эффект плацебо помог на удивление быстро, то ли он попросту проверял, примчусь ли я на его зов как хорошая, покорная девочка. Усаживаюсь на стул возле прикроватной тумбочки. Отец закрывает глаза и, похоже, мирно засыпает. Через какое-то время я тоже засыпаю, но открываю глаза от очередных стонов – на часах ровно шесть. Оперативно впихиваю в него таблетки и ковыляю в свою комнату. Шея адски болит.

В кухне Рут – сидит в своем кресле, смотрит в пустой камин.

– Я все поняла, – заявляет она, пока я завариваю чай. – М-м-м, да ты же идеальная дочь! Вчера – «Пассиона», среди ночи – лекарство, сегодня с утра – чаёк... Никто ничего не заподозрит, когда ты убьешь гада.

– Не собираюсь я убивать.

Наливаю кипяток в заварочный чайник, накрываю его розовым чехлом. Руки дрожат. Старые привычки изменить

трудно.

– Вики не ошиблась. Он не дружит с реальностью и явно страдает от сильной боли. Меня такая месть вполне устраивает. Я хочу лишь правды и справедливости.

Сверившись с назначениями Вики, я вытряхиваю из одной бутылочки голубые обезболивающие пилюли, из другой – белую капсулу; выдавливаю маленькую розовую таблетку из блистера. Рисую крупные крестики в трех соответствующих клетках таблицы.

– Справедливость, которой ты хочешь, называется месть. – Рут берет книгу, и я с немалым раздражением замечаю, что это «Гордость и предубеждение». – Послушай, у нас, в общем-то, два варианта. Первый – даем повышенную дозу лекарств. Скармливаем одну или две лишние таблетки, иногда три, в каждый прием, пока не наступит конец. Папаша не поймет, сколько и когда принял, потому что... – Рут копирует мои интонации, – «он не дружит с реальностью и явно страдает от сильной боли». – Она переворачивает страницу. – После чего возвращаемся каждая к своей жизни. Чем скорее, тем лучше.

– Ну конечно. По-твоему, после его смерти Вики не потребует вернуть таблетки и не заметит, что не хватает половины? Что за тридцать шесть часов он принял пятьдесят штук вместо шестнадцати? Мы будем лицеизреть ее противную улыбочку до самого суда!

– Резонно. Поправка к первому варианту: мы звоним Ви-

ки и сообщаем, что у отца страшные боли. В ответ она *предписывает* давать обезболивающие чаще. Мы ведь почтительные дочери, и нами руководят исключительно любовь и беспокойство, как иначе? Вики, наверное, даже порекомендует увеличить дозу. Три таблетки вместо двух, и каждые три, а не четыре часа. Проблема решена.

– А второй вариант?

– Второй вариант... – Рут переворачивает следующую страницу. – Мы *не* даем отцу обезболивающие...

– Что?!

– Ну, Вики же сказала – ему грозит невыносимая боль, если он не получит лекарство вовремя. – Сестра театрально вздыхает. – Бедный, до чего же его будет жалко...

Она переворачивает очередную страницу и шепчет, растягивая слова:

– Тебе ведь не впервой такое делать, правда? Помнишь соду?

Я молчу, хотя обеим понятно, что я услышала ее мрачные намеки.

В комнате отца выкладываю горсть таблеток на прикроватную тумбочку. Он наблюдает, ворчит:

– Ты сказала медсестре, что мне надо больше обезболивающих?

Голос слабый.

– Вики – твой врач, папа.

– Она мне не нравится.

Смеюсь. Тут мы сходимся.

Включаю вентилятор, он обдувает нас струей холодного воздуха.

– Холодно, Гвен. Очень холодно.

– Тебе нужна прохлада, папа.

– Она хочет меня убить, представляешь?

– Кто?

– Медсестра. – Голос отца крепчает, как у Рут после долгого молчания. – Ты принесла чай?

– Сейчас налью. Сначала прими лекарства. Обезболивающие и... – Я не знаю, какие таблетки от чего; знаю только, что голубые – обезболивающие. – И от давления.

– Она хочет меня убить, говорю тебе.

– Папа, никто не хочет тебя убить.

Он неохотно глотает пилюли, которые я ссыпаю ему в ладонь. Неожиданно делится:

– Твоя мама меня бросила. Как и все остальные. Она. Марк. Джой. Рут. Все меня бросили.

– Папа, ты путаешь. Мама умерла. Я здесь, и Рут тоже...

– Ты должна сходить на кладбище.

– Да, знаю. – Боже, он до сих пор мною командует, надоело! – Навестить маму.

– Сходи с Рут.

– Да, да.

Можно подумать, Рут останется тут, пока я буду на кладбище.

Отец вдруг выгибается и воет от боли. Надо бы его успокоить. Погладить по спине. Предложить «Пассионы».

Я, не двигаясь, наблюдаю.

– Обезболивающие. – Голос вновь становится хриплым.

– Папа, ты только что их выпил. Скоро подействуют.

– Хотите меня убить. Ты и медсестра... – Отец хватается за мою руку – вверху, там, где шрамы. – Дай таблетки.

Он стискивает и выкручивает мне плечо. Шрамы начинают гореть. До чего сильный, просто не верится!

– Прости, пап, прости.

И до чего же я слабая, просто не верится...

Он отпускает меня. Я, спотыкаясь, выхожу из комнаты.

В кухне рядом с пузырьком таблеток стоит сине-белая картонная упаковка. Пищевая сода.

Рут внимательно смотрит на меня.

– Отлично, – говорит она тихо. – Справедливость и месть.

Глава 17

Джордж и Гвен

Август 1942 года

Без пяти минут пять Гвен отправилась в хлев, как велел Джордж. По пути она гадала, не следовало ли заварить чай. Сколько времени уйдет на дойку ста двадцати коров? По минуте на корову? По десять минут? По полчаса? Определенно стоило поставить чайник.

При виде соседа по имени Роберт Ларсен Гвен удивилась. Такой старый! Наверное, в отцы ей годится. Высокий, крепкий, будто обгоревший на солнце, он болтал без умолку, смеялся над собственными шутками и часто путал слова. Рассказывал, что у него есть жена Барбара и сын Колин, которому пятнадцать и который готов помогать Джорджу с Гвен доить коров, потому что работы у Колина нет, но по ферме он умеет все. Интересно, подумала Гвен, почему у Колина нет работы?

– Разве он не помогает вам, Роберт?

– Доеение – это не для меня, Гвен. Я ему двадцать шесть лет отдал, хватит. Однажды проснулся, а мое самосознание, видать, работало сверхурочно, пока я спал, потому как я открыл глаза и заявил: «Дни твоей возни с молоком миновали, Роберт Ларсен!» Как раз настало время доить коров, а я взял да и продал их всех до одной, в тот же день. Вернулся

с несколькими телочками. К ним я ни разу быка не подпускал и на бычий рев! Поэтому своих телят они не приносили и в дойке не нуждались. «Покупай, выращивай и продавай!» – вот как я говорю. Случилось это добрых восемь лет назад, и я ни дня не пожалел.

Джордж вел себя с Робертом приветливее некуда, улыбался и хохотал над шутками и байками. Наблюдая за мужем, Гвен решила, что в его недавней вспышке виноваты нервы, все-таки новая жизнь впереди... Он даже с улыбкой подмигнул Гвен, услышав от Роберта:

– Сейчас почистим все дезинсектором.

Да, Джордж – добрый человек, просто он переживает из-за перемен: жена, ферма, неизвестное будущее...

Однако, вернувшись в дом и обнаружив отсутствие готового чая, Джордж потемнел лицом.

– Не могу же я доить по утрам и вечерам – и приходиться к пустому столу. На нем должна ждать еда!

– Конечно, должна. Прости, дорогой.

Извинение было вознаграждено улыбкой, и Гвен облегченно вздохнула.

Глава 18

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

На следующий день в Церкви (Джой воспринимала это существование только так, с заглавной буквы) Джой была уверена – все вокруг либо высмеивают ее, либо осуждают. Причина крылась не только в уродливом лице Джой, но и в ее носках. В белых школьных гольфах, торчавших над церковными туфлями и подвернутых на манер церковных носочков.

Она мечтала о кремовых колготках, как у старших девочек. Носкигодились, пока она была маленькой, но Джой, между прочим, скоро пойдет в старшую школу! И заведет Друзей. Друзей, которые не носят в Церковь носки, и уж тем более подвернутые школьные гольфы.

Церковные туфли у Джой, конечно, имелись, но лишь потому, что школьные туфли никак не получится выдать за церковные. Эти ей подарили на прошлое Рождество, однако в нынешнем году новой пары ждать нечего, ведь ее нога только теперь доросла до прошлогодних туфель. Мама поступала грамотно: покупала детям обувь на размер больше, так что хватало на два года.

Чтобы не пачкать церковную обувь, они шли до фургона в резиновых сапогах, затем переобувались в туфли, а по воз-

вращении домой – обратно в сапоги.

Имелось у Джой и церковное платье, с белым лифом, белым бархатным воротником, бледно-желтыми рукавами-фонариками, юбкой – тоже бледно-желтой, но из другой ткани – и фатиновым подъюбником, который жутко кусался. Мама заказала миссис Ларсен это платье, когда Джой было девять лет, и попросила сшить его из обрезков, оставшихся от платьев других детей. Потому подъюбник и кусался – очень уж много швов скрепляло между собой разрозненные лоскутки. Теперь платье было тесным, и Джой не сомневалась, что ей подарят новое на Рождество, ведь в Церковь необходимо одеваться как следует.

Она чувствовала, что Господь желал бы видеть заглавную «Ц» в названии Своих священных зданий, и удивлялась, почему Он не выражается яснее насчет разных там заглавных букв в важных словах вроде слова «Церковь», пусть даже оно, согласно «Английскому языку для 5–6 классов», не является именем собственным. Если уж на то пошло, Он мог бы назначить «Церковь» именем собственным. Каким образом? Джой не знала, но ведь сумел же Господь заставить всех писать Его личные местоимения с заглавной буквы – значит, не так уж это и трудно. Пусть бы Он, например, издал дополнительные Десять заповедей – ведь с тех пор, как Господь вручил Моисею прежние, появилось столько нового! Скажем, Дьявольский ящик. У Хендерсонов его, конечно, не было, хотя многие купили себе эти ящики для про-

смотр Олимпийских игр. По словам отца, ящики забивали голову людей Дьявольской чушью. Поэтому одна из новых заповедей звучала бы так: «Не держи у себя и не смотри телевизор». Другая – «Пиши «Церковь» с заглавной “Ц”. Ну и, разумеется, «Будь пресвитерианином⁹, не поклоняйся папе римскому, не будь католиком, иудеем или язычником, не исповедуй никаких других ложных религий».

Тут, правда, кое-что не вязалось, поскольку Иисус был иудеем. Проблема в том, что иудеи не считали Его Сыном Божьим. Только зачем бы Господь посылал Его на Землю, и как бы Он творил чудеса, если б не являлся Сыном Божьим? Отец прав – иудеи, католики и все остальные ошибаются.

Бредя под дождем ко входу в Церковь, Джой молила Господа сделать что-нибудь, доказать Свое существование. Прорваться сквозь тучи и нависнуть над всеми – или послать сюда другого сына (хотя это, конечно, трудновыполнимая просьба). Пусть сделает нечто – что угодно! – и тогда каждый убедится в Его существовании и в том, что Рай ждет только пресвитериан.

Англиканы, баптисты и методисты, ведущие достойную жизнь, благодаря бесконечной милости Господа нашего, вероятно, попадут в Рай, потому что они протестанты. Хотя опять же, славят и молятся совершенно неправильно –

⁹ Пресвитерианство – одна из ветвей протестантского вероучения, отвергающая власть епископов и признающая лишь сан священника.

и вполне могут не попасть.

У католиков, ясное дело, неправильно все, и им уготован Ад. На веки веков, Аминь.

Дикарям тоже. Джой жалела африканцев и аборигенов, которые даже не слышали об Иисусе или Боге, но должны были отправиться в Ад. С другой стороны, они убивали и ели друг друга, так что Господь вряд ли пустит их в Царствие Небесное.

Бедная Рут не ходила в Церковь из-за несчастья. Мама тоже не ходила – из-за Рут. Джой и Марк сидели по обе стороны от отца на передней скамье справа, перед Преподобным Брейтуэйтом, и выполняли все его указания. Вставали, садились, склоняли голову в молитве, пели псалмы, слушали хор, слушали проповедь, повторяли слова Преподобного или отвечали на них абсолютно правильно.

Сегодняшняя проповедь была посвящена греху обмана. Ложь, фальсификация, предательство, лицемерие, неблагонадежность, вероломство. Один грех – а сколько великолепных слов! Последнее Джой мысленно повторяла вновь и вновь... вероломство, ве-ро-лом-ство, ве... ро... лом... ство {пальцы бегают по тренькающим клавишам пианино}. Преподобный Брейтуэйт часто использовал множество слов для одного и того же понятия, и Джой это нравилось. Он был словно говорящий словарь синонимов {гудящий рой пчел}. Джой до сих пор с восторгом вспоминала тот день, когда впервые увидела на столе мистера Пламмера словарь сино-

НИМОВ.

Преподобный Брейтуэйт сказал, что все мы обманываем, и, даже если порой делаем это ради спасения себя или других от беды, все мы – лживые грешники, раздираемые вечной борьбой между повинованием Господу нашему и уступкой Дьявольским искушениям {пальцы в красной перчатке погибают один за другим, подманивают ближе, ближе}.

Джой неизменно присваивала Дьяволу заглавную «Д», чтобы напоминать себе о Его величайшем Зле. Ее, конечно, удивляла заглавная буква, которую Бог даровал личным местоимениям Дьявола, зато ни капли не удивляло то, что английское слово *Devil* – Дьявол – содержало в себе слово *evil* – зло. И то, что при перестановке букв в *evil* получались слова *vile* – гнусный, и *veil* – завеса... ведь именно *завесу* пытался опустить *гнусный* Дьявол над святыми словами Господа. Не удивляло Джой и то, что при прочтении *evil* задом наперед получалось *live* – жить. Как будто зло – это изнанка той жизни, которой хочет от нас Господь.

Вот ведь интересно: одни образы удивительно подходили к значениям своих слов – например, Дьявол {чудовище с красными рогами, самолично управляющее Адом}, – а в других вообще им не соответствовали, как в случае со словом «пресный» {стена, выкрашенная поблекшей желтой краской}. Однако в основном картинки были великолепны. Скажем, «пазл» {стадо зебр}. Или «роза» {темная бархатная подушечка}. Или «слог» {банановое пюре}, к которо-

му прилагались запах, вкус и ощущение бананового пюре. Некоторые совсем уж невероятные слова надолго переполняли Джой эмоциями: к примеру, «бабочка» {ощущение при мысли о том, что однажды ты и в самом деле умрешь}.

Джой обожала слова. Однако не была уверена, что другие люди тоже наслаждаются чудесными образами и ощущениями. Она спросила маму – кажется, с тех пор прошло уже сто лет, – у всех ли возникают одинаковые картинки на одно и то же слово. Мама нахмурилась, ответила резко и прямо:

– Слова есть слова. Думай о картошке и чисть ее быстрее.

Когда в младшей школе Джой училась читать, образы мельтешили у нее перед глазами в полном беспорядке, и она не могла сосредоточиться на буквах. Однажды мистер Пламмер подошел к Джой, пытавшейся списывать с доски, и спросил (слава Богу!), почему у нее не получается.

– Я не вижу слов из-за картинок, мистер Пламмер. Они ведь постоянно сталкиваются друг с другом.

Несмотря на странное выражение его лица, Джой продолжала:

– А мы все видим одинаковые картинки, мистер Пламмер?

Это было очень трудно, тем более что повторять «мистер Пламмер» на занятиях приходилось без конца – и каждый раз перед ней возникал образ павлина.

– Ты, надо полагать, шутишь? – Голос мистера Пламмера звучал холодно. Так он разговаривал с близнецами Кин, ко-

гда те швырялись друг в друга палками. – Переписывай слова, пожалуйста, Джой, и не задавай глупые вопросы.

Она покраснела, растерялась. Вопрос был глупым потому, что все *действительно* видят одинаковые картинки, или потому, что все видят *разные*?

Джой знала – если уж мама с мистером Пламмером не собираются ничего объяснять, то другие и подавно. Потому о картинках в голове больше никого не спрашивала. Она давно усвоила, что существует много запретных для обсуждения тем. Например, какой на вкус перец {фейерверк}, или на ощупь цветок «львиный зев» {коровий язык}, или как важно остерегаться отцовского гнева {красный мяч, утыканный острыми металлическими шипами}. Еще – несчастье Рут. Джой просто добавила к этому списку образы слов.

Девочка усвоила и другое: если изо всех сил сосредоточиться на значении слова, а не на его картинке, то можно проскочить за гигантский полог и отделить образ от значения. Полог был из тонкой промасленной белой ткани, и Джой видела форму, а иногда даже цвет образа, который хотел прорваться сквозь мембрану {яичный желток в стеклянной миске}. Замечательное слово «мембрана», спасибо за него словарю. Джой каждый раз старательно заталкивала непрошенный образ обратно, откуда бы он ни пришел; от усилий у нее громко стучало сердце и жгло глаза. Иногда, несмотря на все старания, она терпела поражение. Образ врывается в ее воспаленный мозг, наполнял его красками,

движением, формами, а порой – звуками, запахами и текстурами. Возможно, это Дьявол прогрызал Себе путь в ее душу {светло-коричневый завиток дыма}. Джой закрыла глаза, описала головой круг – вдруг удастся ощутить, как Его красные щупальца вползают в мозг?..

...Левую руку обожгло болью. Джой открыла глаза и обнаружила, что кожу над локтем сжимают и медленно скручивают отцовские пальцы. Джой не представляла, о чем сейчас говорил Преподобный Брейтуэйт, но вот отца она точно огорчила – начала вдруг вертеть головой в Церкви, будто пьяная дурочка. Джой прикусила нижнюю губу, ведь вскрикнуть было бы непростительно, и вновь сосредоточилась на проповеди о вранье.

Последняя ложь Джой немедленно сгустилась вокруг нее, укутала, точно черные крылья гигантской летучей мыши.

– Нет, папа, честное слово, я не роняла яиц. Это, наверное, курица. Я видела скорлупу на земле.

Куры действительно иногда выталкивали яйца из гнезд, однако накануне такого не было.

Джой тут же вознесла Богу две молитвы одновременно. Первую, «настоящую», – о прощении. «Господи, прости меня, пожалуйста, за то, что я уронила яйцо и скрыла это. Ибо Твое есть царство, сила и слава во веки веков, Аминь». Вторую – «эгоистичную». «Господи, прошу Тебя, пусть мой отец не узнает. Обещаю, что буду чтить тебя во веки веков. Аминь».

– ...Ибо сказал Господь, – продолжал Преподобный, – «Я есть путь, истина и жизнь». Все грешники, да, все грешники, должны быть ввергнуты в вечные муки {терновый венец}, в место плача и скрежета зубовного, откуда нет спасения. Сегодня я взываю к вам: молитесь Господа Всемогущего о прощении грехов, дабы никогда не ведать вам геенны огненной, а познать лишь любовь Господа нашего. Встаньте, пожалуйста.

Все поднялись, склонили головы, закрыли глаза. Пока Преподобный Брейтуэйт молился, Джой размышляла над вопросом – если Бог всеведущ {идеальная бледно-голубая сфера, дрейфующая в пространстве}, всемогущ {идеальная маслянистая сфера серебристого цвета, дрейфующая в пространстве} и вездесущ {идеальная темно-синяя сфера, дрейфующая в пространстве}, то почему Он позволяет ввергать людей в вечные муки? Почему не обеспечивает каждого человека знаниями о правильном поведении, которое гарантирует попадание в Рай и уберезет от Ада?

– Во веки веков...

– Аминь, – подхватил хор голосов.

Органист заиграл гимн «Великий Бог», и дети стали протискиваться мимо взрослых в воскресную школу.

– Великий Бог! Когда на мир смотрю я,
На все, что Ты создал рукой Творца...¹⁰

¹⁰ Русский вариант гимна дан в переводе И. Проханова.

* * *

Джой шла по внешнему проходу {длинная темно-бордовая лента} и представляла: вот двое творцов на Небесах – Иисус и Отец наш Всемогущий, оба в свободно развевающихся рабочих блузах поверх священных одежд, оба наносят легкие мазки на картину, установленную на золотом мольберте. Однако их великое творение наполняло Джой ужасом. На нем черные дикари, китайцы, обманщики, аферисты и католики падали в большую черную трещину в земле, а там, внизу, оранжевые языки пламени взметались к темному небу, покрытому зловещими тучами. Обреченные на Ад и вечные муки вопили о милости, молитвенно складывали руки под подбородком, а красные демоны смеялись над грешниками, которые даже не слышали о Госпо...

Джой споткнулась о ступеньку перед актовым залом, и картина рассыпалась. Однако образ грешников, с воплями летящих в Ад, на веки вечные запечатлелся в ее воображении.

Глава 19

Джордж и Гвен

Август 1942 года

На второй день жизни на ферме в половине одиннадцатого утра в заднюю дверь постучал Роберт. С ним пришла Барбара; она вручила Гвен бумажный пакет с теплыми булочками к чаю. Благодарную Гвен охватило радостное волнение. Они с Барбарой непременно подружатся, пусть даже их дома – и возраст – разделяет большое расстояние.

Однако перед уходом Барбара попросила вернуть бумажный пакет, и выражение ее лица при этом было не менее жестким, чем булочки. К сожалению, к ним нашлось только сливочное масло, поскольку двоюродная бабка не положила в припасы варенья. Роберт с Джорджем обсуждали погоду, грязь и коров так, словно знали друг друга многие годы; Гвен же с Барбарой обменивались вежливыми вопросами и ответами. Барбара, сидевшая с поджатыми губами, наверняка быстро смекнула, что новая соседка ничего не смыслит в фермерстве.

После ухода гостей Джордж уселся что-то писать за кухонный стол, а Гвен начала мыть посуду.

– Больше никогда так не позорься. – Джордж протянул ей лист бумаги и улыбнулся. – Завтра у меня разговор с банкиром в городе. Можешь поехать со мной и купить все по

этому списку. Видишь, первым пунктом идут «ингредиенты для варенья», уж не знаю, какие именно.

– О... – Гвен почувствовала себя так, будто он дал ей пощечину; с трудом выдавила ответную улыбку. – Прогуляться в город будет здорово.

Она прочла список. В животе екнуло – сахара по продуктовым карточкам никак не хватит и на варенье, и на те две ложечки, которыми Джордж любил подслащивать каждую чашку чая.

Он отправился проверять изгороди, и Гвен только тогда поняла, что так и не рассказала ему о своих планах на мастерскую.

...Поездка в город, о котором Гвен никогда раньше не слышала, заняла около часа. После знака с надписью «Добро пожаловать в Блэкхэнт. Население – 627 человек» пастбища уступили место домам из вагонки, расположенным на прямоугольных участках. Еще через полмили показалось несколько магазинов. Гвен заметила горстку людей и воспрянула духом. В присутствии других Джордж расслабится и вновь проявит себя с доброй стороны.

Он припарковался у магазина с крупными жирными буквами на витрине. «Бакалейная лавка Арнольда». Достал бумажник, сказал:

– Вот продуктовые карточки и деньги. Купи продуктов на неделю. Список захватила?

– Да, Джордж.

До чего странно брать у него деньги...

– Я вернусь ровно через тридцать минут.

Гвен засекала время, положила карточки с деньгами в сумочку и вошла в лавку.

Арнольд был таким же старым, как Роберт, носил очки на кончике носа и, судя по улыбке, имел очень успешный бизнес. Когда на прилавке уже лежало все по списку, включая половину нужного количества сахара (паек есть паек), он спросил:

– Вы ведь только переехали в Блэкхэнт?

– Да. Нет. То есть не совсем. Мы с мужем купили ферму. За Блэкхэнт.

– Правда? Это какую же? – поинтересовался хозяин лавки, пробивая стоимость каждой покупки по кассе.

– Какую? – глупо повторила Гвен. – М-м, довольно далеко от города. – Она указала направление. – Мы ехали сюда около часа.

– Неужели ту, которую Далглиши сбыли?

Что она могла ответить – «не знаю»? Гвен покраснела.

– Да, ту самую.

– Ого, работы у вас непочатый край, значит... Место страшно запущенное. С вас три фунта¹¹ шесть пенсов, мадам, спасибо.

Она заглянула в кошелек. Джордж дал три фунтовые банкноты, и ни пенни больше. Гвен в ужасе подняла взгляд

¹¹ Речь идет об австралийском фунте.

на Арнольда. Она – полная дура. Не знает, где живет. Не знает, где находится Блэкхэнт. И не может расплатиться за продукты. Голова кружилась. Казалось, она стоит на краю утеса и смотрит на темное море внизу.

Гвен слабо улыбнулась Арнольду.

– О боже... У меня только три фунта. Взяла с собой мало денег. Не могли бы вы... убрать две сосиски?

Она протянула хозяину три банкноты.

– Вот что... – Он улыбнулся фирменной улыбкой, очень располагавшей к нему покупателей. – Я отдам вам эти две сосиски даром, а вы пообещаете обходить стороной моего конкурента. Он чуть дальше по улице.

Гвен хотела возразить, но тут звякнул дверной колокольчик, и вошел Джордж. Сразу направился к прилавку, протянул руку и расцвел той самой улыбкой, которая в свое время покорила ее на танцах.

– Джордж Хендерсон. А вы, должно быть, мистер Арнольд?

Бакалейщик со смехом пожал руку Джорджа.

– Да, он самый, мистер Хендерсон. Только Арнольд – это имя, а не фамилия, так меня все и кличут.

Джордж тоже рассмеялся.

– А я – Джордж. С моей женой вы уже познакомились. Надеюсь, ты купила все по списку, дорогая.

Он взял ее ладонь, положил себе на сгиб локтя. Гвен улыбнулась, кивнула. Вот что такое «быть замужем» – с улыбкой

стоять под ручку с мужем и болтать с приветливыми лавочниками.

– Я слышал, вы купили старую ферму Далглишей?

– Нет, – ответил Джордж. – Ферму Уэнтуортов. На Буллок-роуд.

– Уэнтуортов?

Гвен уставилась в пол, свободной рукой стиснула сумочку.

– А я-то подумал... ладно, видимо, неправильно понял. Что ж, заглянете к нам на следующей неделе, миссис Хендерсон?

Гвен не смела на него посмотреть.

– Да, конечно. Спасибо, Арнольд.

Прежде чем завести мотор, Джордж протянул руку и спросил про сдачу.

– О боже... Прости, Джордж, но сдачи не было.

Гвен открыла сумочку, показала, что там пусто, и сама удивилась, что извиняется.

– Хочешь сказать, вышло ровно три фунта?

– Да... то есть нет. – Голос Гвен вдруг стал тонким. Сумеет ли она солгать мужу? – Вышло даже немного больше трех фунтов, и я попросила Арнольда уменьшить количество говяжьего фарша.

Что с ней такое? Почему не сказать как есть: мол, Арнольд отпустил две сосиски бесплатно в обмен на обещание делать покупки у него?

Джордж молча отъехал от лавки. Через некоторое время

Гвен непринужденно спросила:

– Как прошел визит в банк?

Муж, не отрывая взгляда от дороги, вполне дружелюбно проговорил:

– Об этом не переживай. Я позабочусь о банке, а ты позаботься о доме. Вот как должно быть, дорогая.

Гвен, обрадованная его хорошим настроением, охотно согласилась и ответила с такой же любовью:

– Да, дорогой, спасибо.

– Управляющий банком поинтересовался, есть ли у тебя деньги. – Джордж по-прежнему смотрел только на дорогу. – Я сообщил, что ты была исключительно бережлива и делала накопления. Он воспринял новость с большим удовольствием и посоветовал нам обязательно пустить эти средства на закладную. Сказал, что это разумно.

– О...

Гвен не знала, правильно ли так поступать, но раз управляющий банком говорит...

– Когда поедем в город на следующей неделе, возьми с собой сберегательную книжку. Переведем твои накопления на выплату по закладной.

– Какую сумму?

– Ну... всю, дорогая. Так посоветовал банкир.

Джордж улыбнулся, снял с руля руку и похлопал ее по сцепленным ладоням.

Вечером, перед отходом ко сну, он указал на то, что Гвен

неправильно сложила его носки, майки и трусы. Заставил повторить за ним «правильно». Пока она копировала действия мужа, ее лицо горело от унижения, и Гвен вновь чувствовала себя так, будто он дал ей пощечину. Второй раз за день.

Много месяцев спустя она уже не могла вспомнить, когда и за что случилась первая настоящая пощечина.

Глава 20

Джой и Рут

Декабрь 1960 года

– Всем доброе утро, – слащаво пропел мистер Джонс.

Его рука покоилась на плече девочки, которую Джой видела впервые.

– Поприветствуйте, пожалуйста, в воскресной школе Фелисити и помогите ей почувствовать себя частью семьи Господа нашего. Джой, подвинься, пусть Фелисити сядет рядом со мной.

Группа состояла из учеников старше десяти лет. Все они, скрестив ноги, сидели кружком на жестком полу зала. Джой была старшей, и ей полагалось находиться рядом со стулом мистера Джонса. Освобождая место для Фелисити, Джой не могла отвести от новенькой взгляда. Та носила не только удивительнейшее имя, но еще и кремовые колготки, синюю юбку и пиджак в цвет, из-за чего выглядела семнадцатилетней девушкой. Джой натянула свое церковное платье на колени, пряча под ним гольфы.

На макушке Фелисити красовался невероятный по размеру пучок волос, обвязанный у основания тонкой белой лентой. Сзади из него свисали локоны до самого воротника, а лицо с обеих сторон обрамляли мягкие вьющиеся пряди. Джой потрогала собственные редкие и гладкие волосы каш-

танового цвета. Лучше б ее мама была парикмахером, а не цветочницей, делающей венки для покойных!

Фелисити, в отличие от остальных, не скрестила ноги по-турецки, а подогнула их влево, опустила левую ладонь на лодыжку и оперлась на правую руку, заняв при этом довольно много места. Ее правое запястье обхватывал золотой браслет, а левое – изящные золотые часики.

Взгляд Джой переместился с верхушки огромного, чудесного пучка Фелисити к ее туфлям, таким же синим, как юбка и пиджак.

– Хватит глазеть! – рявкнул мистер Джонс.

Джой густо покраснела – и лишь затем поняла, что он обращался ко всем. Кашлянув, мистер Джонс начал урок:

– Итак, о чем была сегодняшняя проповедь Преподобного Брейтуэйта?

Целых полчаса Джой была одновременно очарована и подавлена шикарнейшей Фелисити, сидевшей рядом в позе герцогини {гигантская стопка тончайшей оберточной бумаги}, и потому совсем не отвечала на вопросы мистера Джонса. Наконец им велели раскрашивать Христа, дарующего прощение Петру, и разрешили разговаривать. Тогда Джой начала задавать Фелисити вопросы, стараясь делать это как бы между прочим.

– Тебе уже есть двенадцать? – спросила она, раскрашивая лицо Христа розовым.

Фелисити ответила коротким кивком и принялась зама-

зывать траву оранжевым цветом. Джой перешла к рукам Христа. После двенадцати лет почти никто из ребят не посещал воскресную школу, им это разрешали грешники-родители. Джой продолжит ходить сюда до пятнадцати лет, как делал Марк, а дальше будет оставаться в Церкви с братом и отцом до конца службы. Джой раскрасила ладони и ступни Христа розовым.

– Твои родители в Церкви?

Еще один короткий кивок.

Одеяние Христа должно быть светло-синим, за исключением полосы по краю. Джой перестала раскрашивать, посмотрела на мистера Джонса, который отошел поговорить с другим учителем, затем понизила голос и, сама себе поражаясь, выдала:

– Видишь девочку в клетчатом платье в группе с очень старым учителем? Это Марион Бекер, и ее родители не ходят в Церковь. Только привозят и забирают Марион. Так же и у Филиппа Макинтоша, рыжего мальчика из нашей группы. Его папа, ветеринар, Церковь тоже не посещает. В той группе еще обычно есть Венди Боскомб, но сейчас она отдыхает на курорте... они богатые, поэтому в Рай не попадут.

Фелисити уставилась сперва на Марион, затем на Филиппа. Джой раскрасила кант на хитоне Христа желтым – в подражание золотому на картинке в Библии. Спросила:

– Ты пойдешь в старшую школу Блэкханта в следующем году?

Фелисити покачала головой.

Джой взяла коричневый карандаш для одежд Петра. Как же это Фелисити туда не пойдет, если ей уже двенадцать? Возможно, она не очень умная, и ее оставили на второй год?

– Почему?

Ха! Теперь Фелисити не сможет ответить движением головы. Однако загадочная новенькая пожалала плечами, выбрала зеленый карандаш и стала раскрашивать небо, оставив Христа с Петром бесцветными. Джой хотела подсказать, что небо должно быть синим, но тут раздался голос мистера Джонса:

– Джой! Сосредоточься, пожалуйста, на своем рисунке, а не на рисунке Фелисити.

Лицо Джой вспыхнуло от стыда. Внутри закопошились угри – и родились две беззвучные молитвы одновременно.

прости меня за невнимательность.

Господи, прошу, Во веки веков. Аминь

пусть он не расскажет моему отцу.

Она вновь взяла желтый карандаш, чтобы раскрасить нимб Христа. Фелисити же сделала Христу пурпурный нимб и оранжевые губы.

– Так, складываем карандаши в ведерко. – Мистер Джонс обошел ребят, голос его утратил слащавость. – Встаем на завершающую молитву.

Все поднялись. Джой взяла одной рукой сухую ладонь По- лы Сандерсон, а другой – гладкую ладонь новенькой. Хоть какая-то польза от появления Модной Фелисити в воскрес- ной школе – не придется держать за руку мистера Джонса. Тот уже затыкнул:

– Пусть благодать Господа нашего Иисуса Христа...

Джой повернула склоненную голову и чуточку {раздав- ленный муравей} приоткрыла правый глаз, чтобы глянуть на Фелисити. Та в упор смотрела на Джой. Наверное, удивля- ется уродливому лицу, решила Джой, но тут Фелисити ши- роко улыбнулась. От потрясения Джой распахнула оба глаза, затем вспомнила, что их нужно закрыть, торопливо зажму- рилась и склонила голову. Мистер Джонс закончил:

– ...Святого Духа пребудет со всеми вами.

– Аминь, – дружно откликнулись ученики.

По пути к выходу Фелисити оттащила Джой в хвост груп- пы и прошептала:

– Ты не закрывала глаза во время молитвы.

Она выглядела довольной и, конечно же, собиралась на- ябедничать отцу Джой о том, что та подглядывала.

– Я просто... – пробормотала Джой и осеклась. – А ведь ты тоже.

Фелисити визгливо хохотнула.

– Ага, ты меня подловила!

– Почему ты не закрывала глаза?

– Хотела посмотреть, кто чем занят. Это гораздо интерес-

ней. И вообще, Бог не говорит, что во время молитвы обязательно закрывать глаза.

Джой немного подумала. Фелисити права.

– Почему ты не пойдешь в старшую школу?

– Пойду, конечно. Просто не в твою.

– А в какую же тогда?

– В дурацкую старую школу Святой Анны.

– Святой Анны?! Это католическая школа? – Джой открыла рот от изумления.

– Англиканская.

– Разве ты не пресвитерианка?

– Не знаю. Мама с папой говорят: не важно, в какую церковь ходить; главное – молиться от души и быть доброй ко всем.

...Джой ждала Марка у большого треугольного крыльца Церкви и наблюдала за встречей Фелисити с семьей. Родители Фелисити оказались смуглыми и потрясающими, и у нее тоже имелся старший брат. Она показала им свою раскраску, все четверо громко захохотали, и отец поцеловал Фелисити в лоб. Затем родители представили ее своим взрослым собеседникам, и она стала тоже разговаривать с ними и смеяться, как взрослая. При каждом взрыве смеха Фелисити заправляла пряди волос за ухо, в точности как ее мама. Густые, ровные черные волосы миссис Фелисити достигали плеч, кончики немного закручивались внутрь, и на ней не было шляпы.

Остальные женщины в Церкви носили короткий перманент¹²

¹² Перманент – завивка, которая держится в течение нескольких месяцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.